Б. ЕЛЛИНСКИЙ

САХАЛИН

ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ГЛАВНАЯ МОРСК… БИБЛИОТЕК…

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Акт № 3

Ш. К
Полка 4
Ряд 2
№ 66

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	4-Е.51-С		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					V

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНО-58

Проверено-85

Шк. К
Полка 4
Ряд 2
№ 66

Б. ЕЛЛИНСКИЙ

САХАЛИН

ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Инвент. № 27404
21 февраля 1929 г.
42136

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа.
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А—13185. А. 43.
Гиз 25501. Заказ 720.
Тираж 4.000 экз.

ДОРОГИМ ТОВАРИЩАМ
ПО САХАЛИНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТОРГЕ И ССЫЛКЕ
ТРУД ЭТОТ ПОСВЯЩАЮ
Б. ЕЛЛИНСКИЙ

КАРТА О-ВА САХАЛИНА

МАСШТАБ
50 0 50 100 км.

140 145

50 50

45 45

М. Елизаветы
ЗАЛИВ САХАЛИНСКИЙ
Пильво
Памры
Охе
НИКОЛАЕВСК
ВЕРЕЩАГИНО
Амгунь
Амур
М. Лазарева
М. Невельского
Погиби
Мякрво
ЗАЛИВ НАБИЛЬСКИЙ
ЗАЛИВ ДЕ-КАСТРИ
М. Уанды
Набильво
Амур
Арково
Воскресенское
Дербинское
АЛЕКСАНДРОВСК
М. Жонкиер
ДУЗ
РЫКОВСКОЕ
Окорское
СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ
СИСУКА
ЗАЛИВ ТЕРПЕНИЯ (ТАРАЙКА-ВАН)
УСИРО
М. Терпения (Син Серетоко)
О-в Тюлений (Кайхно-то)
МОТОТОМАРА
ТАМОРИОРО
САКАЕХАМА
МАОКА
ТОЙОХАРА (ВЛАДИМИРОВКА)
п. КОРСАКОВСКИЙ (ОТОМАРИ)
ХОНДО
п. МУРАВЬЕВСКИЙ
ЗАЛИВ АНИВСКИЙ (АНИВА-ВАН)
М. Анивский (Сиретоко)
М. Крильон
ПР. ЛАПЕРУЗОВ (СО-Я-КАЙКИО)
Мыс Сойя
ВАККАНАЙ
ОНИСИБЕЦУ

Государственн. граница
Железные дороги
Почтовые тракты
Проселочные и тропы

140 145

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1925 году освободилась, наконец, от японской оккупации русская часть острова Сахалина. В хозяйство республики введена обширная территория свыше 65 000 квадратных километров. Как видите — размер больше многих губерний Европейской части Союза.

А что мы знаем о Сахалине, об этом большом, полном неистощимых сокровищ острове?

Очень мало; широкие же массы не знают о нем почти ничего. Между тем о Сахалине есть много самых разносторонних сведений, собранных как людьми науки, так и популяризаторами.

Такое кажущееся противоречие объясняется разбросанностью этих сведений по месту их изданий.

Возьмем, например, «Указатель материалов для изучения Азии» — Бруссе. Там приведено до 130 одних только русских источников, касающихся Сахалина, не считая того, что есть в иностранной литературе. За исключением 2—3 отдельных специально-научных брошюр все эти источники, однако, представляют собою разнохарактерные статьи, помещенные в газетах и других периодических изданиях, более чем за четверть века.

Извольте-ка рыться в кучах старых газет за 25 лет, чтобы суммировать в конце концов очень и очень жиденькие сведения по вопросам, для самого беглого изложения которых понадобились бы целые томы.

Что же касается научных книг о Сахалине, то их очень мало, и они почти недоступны широким кругам как по своему специальному характеру, так и по редко-

сти изданий. Вот, например, диссертация А. М. Никольского: «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных». В этой книге, в качестве введения, на 5—8 страницах изложена история острова почти за 300 лет. Теперь представьте себе — многие ли из нас, простых смертных, могут знать, что в диссертации о позвоночных Сахалина имеется подробная история острова? К тому же книга написана автором для получения ученой степени, и все ее издание ограничилось несколькими сотнями экземпляров; таким образом в настоящее время она, несомненно, представляет собою библиографическую редкость.

В Сахалинском календаре за 1897 год имеется моя статья: «Краткий исторический очерк открытий и описаний о. Сахалина и первых на нем русских поселений» [1].

Главным источником для составления этого очерка послужила мне тогда книга Никольского, а теперь он в свою очередь, в сжатом и переделанном виде, послужит для того, чтобы сведениям об естественных богатствах острова предпослать несколько строк об его историческом прошлом.

В дальнейшем описании острова и его богатств я буду пользоваться статьями специалистов — по сельскому хозяйству фон-Фрикена и по горному делу инж. Марголиуса (Сахалинский календарь за 1897, 1898 и 1899 годы), официальными данными отчетов, помещенных в этих же календарях, сочинением инж. А. М. Кеппена — «Остров Сахалин и его каменноугольная промышленность», заметками инж. Носова «О Сахалине и каменноугольных ломках, на нем производимых» («Горный журнал» за 1859 г.), статьями инж. Лопатина («Горный журнал» за 1870 г.), заметками инж. Дейхмана — «О Сахалине в горно-про-

---

[1] Моей подписи под статьей не ищите: администрация острова не пожелала «марать» свое издание фамилией ссыльно-каторжного, да к тому же еще и политического.

мышленном отношении» («Горный журнал» за 1871 г.), некоторыми сведениями из моей работы — «Очерки по климатологии Сахалина» с приложением к ней 20-летней метеорологической сводки и, наконец, моими личными, самыми разнообразными, наблюдениями и сведениями за 11 лет жизни, проведенных в ссылке на каторжном острове. Думается, что срок этот достаточен — как для того, чтобы с должным вниманием профильтровать цифры и выводы казенных отчетностей, так и для того, чтобы читатель мог признать некоторую мою компетентность в тех вопросах, которые здесь будут затронуты.

Скажу еще, что настоящий мой скромный труд отнюдь не претендует на какую-либо научную ценность или на исчерпывающее описание.

Еще в 1921 году в январских, февральских и мартовских номерах севастопольской газеты «Красный Черноморско-азовский флот» (начиная с № 90) мною был помещен ряд фельетонов под общим заглавием — «Забытый край».

В них я пытался обратить внимание Союза на исключительные богатства Сахалина и на их сравнительную доступность, проводил идею о возможности искусственного улучшения климата острова вплоть до создания на азиатском побережьи незамерзающих гаваней, указывал на стратегическое и экономическое значение острова, как ключа к Амуру и ко всей Амурской области, равной по размерам буквально всей Европе, но только неизмеримо более богатой.

Но фельетон остается фельетоном. В нем многого не скажешь, а что и сумеешь сказать в общих чертах, то скоро изгладится из памяти читателя.

Так сама собою созрела мысль об издании отдельной книги о Сахалине, такой книги, которая могла бы заинте-

ресовать дальнейшей судьбою острова возможно более широкий круг читателей и могла бы дать им наглядное представление о действительной ценности этой «Черной жемчужины» нашего Союза.

Сброшюровать ряд фельетонов о «Забытом крае» для этого недостаточно.

Важно не только пробудить интерес к этому забытому краю, но и подвести под этот интерес научные, а кое-где и хозяйственные обоснования. Нужно также, по возможности, подробно рассказать, как велись добывание и обработка сахалинских сокровищ во времена царского режима, чтобы печальный опыт печального прошлого мог служить наглядным уроком, предостерегающим от ошибок в будущем.

Помещенные в книге фотографические снимки, в большинстве произведенные мною лично, должны дополнить представление о природе острова, об его туземном населении, об административных центрах каторжного времени, потугах развития промышленности подневольным трудом, о каторжных работах, истязаниях и других подвигах «пенитенциарной» системы.

Если все это вместе взятое пробудит в широких кругах живой интерес к Сахалину, заставит поверить в экономическое значение его будущего для всей нашей Дальневосточной окраины, побудит приложить свою хозяйскую руку к его разработке, заставит специалистов по затронутым мною вопросам расширить и углубить их детальным научным обследованием на месте, — то цель моего скромного труда будет достигнута.

ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

— Какое впечатление производит Сахалин, когда в первый раз его видишь?

Вот вопрос, который прежде всего задают человеку, побывавшему на каторжном острове.

Какое впечатление?

Трудно сразу ответить на этот вопрос. Ведь тут все зависит от угла зрения. Разные люди приезжали в прежнее время на Сахалин.

Вот знаменитый журналист смотрит с борта парохода из окон каюты I класса на сахалинские хребты и лощины с разбросанными по ним кучками серых избенок. Вот он бродит по немощенным, кривым улицам, среди угрюмого, каторжного люда; заходит в канцелярии, посещает тюрьмы. Хорошо снабженный деньгами, всевозможными рекомендациями и разрешениями, независимый и жизнерадостный — он наблюдает, всюду встречая почет и уважение, хотя бы только внешнее. Он обогащает свою записную книжку с предупредительной помощью местных «чинов» (а вдруг продернет?) заметками по всем интересующим его вопросам. В кандальной тюрьме он побрякивает в кармане серебром и за целковый получает такие сверх-уголовные рассказы, такие патолого-психологические этюды, от которых волосы на голове шевелятся и которые так же далеки от арестантской действительности, как трюковой экран от повседневной обывательщины. Настоящее для него полно живого, нового интереса — интереса, который проявляется к драматическому представлению у сытого и склонного

к добродетельным эмоциям зрителя. Будущее манит славой исследователя дикой страны, о которой ходят слухи, что «люди там работают под землей и на свет не выходят».

У такого наблюдателя свой угол зрения, и Сахалин производит на него, конечно, совсем другое впечатление, чем на непосредственного участника сахалинских «представлений».

Вот политический ссыльный, человек с таким же развитым интеллектом и с такой же тонкой нервной организацией, как и у журналиста, хотя бы даже знаменитого. Закованный в кандалы, с полуобритой головой вылезает он из смрадного трюма каторжного корабля среди звона цепей, площадной брани четырехсот глоток и грозных окриков начальства. Жадный, вопрошающий взор кидает он на крутые обрывистые берега и на громоздящиеся вдали цепи лесистых хребтов, на смелый взмах мыса Жонкиер и на притаившуюся за ним чашеобразную долину. Там беспорядочной грудой навалены серые кубики. Среди них, как именинный пирог, высится длинная серая стена заостренных тюремных палей.

Взор — испуганно жадный, тоскливо-вопрошающий.

Ведь там — его судьба.

Там, сначала за этими «палями», а затем в одном из покосившихся кубиков — пройдет вся его жизнь.

Впереди 20 лет каторги. А ведь это именно вся жизнь!

Все, что есть живого, цельного, радостного — все кипучие стремления и светлые надежды — все это будет по жилочкам вымотано, оплевано и похоронено здесь навсегда.

Входит живой, полный сил молодой человек, а выйдет, если это вообще суждено, — инвалид. Он еще может сохранить живую душу, может страдать и мыслить, может даже мечтать и стремиться к живой работе, — но рабо-

тать для достижения заветных целей, как прежде, упорно, изо дня в день, он уже никогда не сможет.

Вот такие-то невеселые думы, скорее ощущения, составляли фон моих впечатлений, определяли «угол зрения», когда 34 года тому назад смотрел я на Сахалин с борта парохода «Ярославль», набитого доверху своим каторжным грузом...

Рис. 1. *Тюремные пали Александровской кандальной тюрьмы (по фотогр. автора 1898 г.).*

22 года прошло с тех пор, как я покинул остров, и 16 лет — как вообще разделался с ссылкой. Думается, что срок достаточно большой, чтобы окутать личные воспоминания успокоительным флером времени и придать им здоровый колорит впечатлений нормального, объективно-настроенного наблюдателя.

— Что прошло — то будет мило... — Хотя не совсем «милым» кажется нам и теперь то, что с нами проделывали на Сахалине правительства Александра III, а за ним Николая II и местная администрация, но все же теперь, более

или менее спокойно разбираясь во всем пережитом, можно сказать, что действительно тяжела была лишь нравственная атмосфера специфического издевательства и гнета, в которой вынужден был жить долгие годы политический, да и всякий другой ссыльный. Даже на свободном населении, на добровольно последовавших за ссыльными женах, на их детях, на тех из чиновников, в которых сохранилась еще искра человечности, — на всех отражалось это общее ощущение какой-то безвыходной придавленности. Люди рвались на вольный воздух. Поселенцы и крестьяне из ссыльных страстно мечтали о «той стороне», о стороне за проливом; при первой возможности они бросали на произвол судьбы избу, хозяйство и шли на неизвестность, только бы «переменить участь». Ради этого ссыльный шел иногда даже на новое преступление, делался рецидивистом.

— А-а! Паранин-крестьянин! Ну, как крестьянствуешь? — громовым басом восклицает сосед мой по нарам в кандальной тюрьме, здоровенный каторжанин Прокопий Муха.

Тяжелая рука его грузно хлопает по широкой спине арестанта, присевшего по-сибирски, на корточках, перед огоньком топящейся печки.

Мы только что вернулись с работ, «с под бревен»; таскали на себе волоком по зимней дороге шестиметровые толстые бревна из тайги в пост Александровский. Отмахав в общей сложности километров 25—30, из которых половину с тяжелым грузом, арестанты дымились от пота, как загнанные лошади, и теперь усиленно украшали камеру гирляндами мокрых чуней, штанов и портянок.

Прибавив пару душистых портянок к общему букету мокрой прели, перекрестившей камеру во всех направлениях, я незаметно стал прислушиваться и оглянулся.

Добродушное, широкое, обветренное лицо; борода лопатой и нос картофелиной. В зубах зажата огромная «приискательская» трубка. Надиво изукрашена эта кореньковая махина затейливой инкрустацией из медной проволоки, кистями да цепочками.

Надиво всей тюрьме был и сам ее счастливый обладатель. Давным-давно покончил он каторгу, отбыл 4 года поселенчества и «вышел в крестьяне». «Вдруг» взял да и вырезал целую семью гиляк, надеясь поживиться пушниной. В результате — снова 20 лет каторги.

— Подвод фальшивый был! — оправдывался Паранин перед смеявшейся камерой. — Пушнина-то оказалась не в ихней юрте, а у старика, в соседней. Зря только каторгу принял. А ведь и дом был свой и хозяйство: картошка там и все такое...— с сокрушением добавлял он.— Не пофартило, значит, участь переменить!

И заскорузлые пальцы смущенно почесывают полуобритый затылок...

Вот она, заветная мечта, подоплека несуразного рецидива Паранина. Все насмарку идет перед этой мечтой: и ужас убийства целой семьи, и тяжким трудом достигнутое благополучие, и перспектива новой каторги, перспектива усиления того гнета, из-под которого стремился вырваться. Все насмарку; все доводы рассудка и человеческой совести. Еще бы! В юрте — пушнина... Рублей — не менее как на тысячу... Взять — и на «тую сторону», в Сибирь-матушку...

И таких Параниных, больших и маленьких, немало было на Сахалине.

Решимость путем каких угодно лишений переменить участь созревала у многих, даже в таких слоях населения, где ее всего менее можно было бы ожидать.

— Что же вы, Петр Петрович, и пятилетки дождаться не хотите? Покидаете нас? — спрашивает в клубе старый,

заматерелый сахалинец-чиновник своего более молодого сослуживца. — К тому же вы — инженер, не чета нам, тюремным крысам.

— Ну ее к чорту и пятилетку эту. Жизнь дороже. И за три-то года на душе места живого не осталось...

И уезжает, или побьется, побьется и затихнет...

— А как у вас тут насчет побегов? — был один из первых вопросов, который я задал товарищам. Они всей колонией явились встречать меня, как только я сошел с парохода.

Мы тесным кольцом расположились на бревнах возле карантина, где выдерживаются каторжане до размещения их по округам и по тюрьмам. Старый надзиратель за трешку снисходительно разрешил это свидание, благо до поста километра два, и начальство уже уехало.

— Ни, ни! И думать забудьте об этих вещах! — замахали на меня со всех сторон руками.

— Неужели так трудно? — недоумевал я.

— Физически нетрудно, а морально — совсем невозможно. Бежать всем вместе с ордой ребят нельзя. Бежать двум, трем — значит посадить остальных в тюрьму, значит детей лишить куска хлеба, а жен вторично подвергнуть всем ужасам ежечасных столкновений с тюремным начальством. Нет...

Итак, у «политиков» эти соображения решали вопрос о «перемене участи» в отрицательную сторону.

Не оставалось абсолютно никакой надежды на то, чтобы покинуть остров раньше законного окончания срока. И это еще более сгущало тучи морального гнета каторги и ссылки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Всего за период в 20 лет, с 1886 года, когда началась политическая ссылка на Сахалин, и до 1905 г., когда вообще всякая ссылка туда заканчивалась, на острове перебывало 41 человек «политиков». (Из них 5 административных, 7 на поселение и 29 каторжан.) Умерло за тот же период времени на Сахалине пятеро, из которых трое застрелилось.

Физическая сторона каторжных работ была для ссыльных далеко не так тяжела, как нравственная атмосфера специфического издевательства и гнета, в которой вынужден был жить долгие годы политический.

Циркулярами правительства Александра III мы были сравнены в «правах» (которых ни у кого из ссыльных не было) и в обязанностях с уголовными.

Положенное время «испытуемые» проводили в кандальной тюрьме вместе с уголовными каторжанами; били уголь в руднике, возили на себе бревна из тайги — зимою волоком, а летом на двухколесных тележках, ремонтировали и проводили дороги, рыли запасные могилы на кладбищах и т. д. Эти годы (1, 2, 3 — смотря по сроку каторги) со стороны морального самочувствия проходили довольно спокойно. Разосланные по разным тюрьмам разных округов, мы как бы растворялись в общей массе уголовных каторжан и меньше подвергались преследованиям. А чтобы наладить хорошие отношения с окружающей многочисленной «шпаной», нужно только немного такта и наличность искренней любви к человеку. Но мелкие издевательства со стороны начальства были все-таки и тут. Так, например,

относительно меня, несмотря на официальный доклад врачей о моей непригодности к тяжелым работам вследствие плохо зажившего пулевого ранения живота, губернатор приказал начальнику тюрьмы следить за тем, чтобы никаких послаблений в этом смысле не было, и сам даже раза два заглянул в тюрьму, очевидно, с этой же целью.

— И креста-то на тебе нет! — сказал он при одном из этих своих посещений, глядя на распахнувшийся ворот моей рубахи, под которой креста действительно не было.

— Зато на вас их более, чем достаточно! — улыбнулся я, указывая глазами на его мундир, сплошь увешанный крестами и звездами.

Губернатор посмотрел на улыбающиеся лица своих спутников, пожевал губами и, ничего не ответив, проследовал по фронту каторжан дальше.

Я отделался тремя днями «сушилки» (карцер).

В тюрьме среди 800 уголовных каторжан, относившихся ко мне более, чем доброжелательно, серьезно преследовать меня одного какими-либо незакономерными выходками было трудновато.

А вот, когда по окончании срока «испытуемых» я переведен был в вольную команду и поселился с женой на частной квартире, тогда, по тактическим соображениям, частенько приходилось пробираться в свой музей или на метеорологическую станцию глухими переулками, чтобы только избегнуть встреч с чиновными владыками моей жизни и смерти.

Это не пустая фраза, читатель.

Живший на воле т. Домбровский при встрече с подвыпившим начальником тюрьмы недостаточно почтительно с ним раскланялся, т. е. не сошел с тротуара за три шага и не снял, ставши во фронт, шапку, как полагалось по уставу.

42136

Рис. 2. *Карцера Александровской кандальной тюрьмы (по фотогр. автора)*

Центральный Морской Библиотека РКВМФ СССР

Начальство, давно махнувшее рукой на политиков, никогда не исполнявших такого гнусного правила, на этот раз, под влиянием винных паров, взбеленилось и с площадной бранью накинулось на виноватого, сбив с его головы шапку.

Возмущенный Домбровский схватил буяна за горло, но тут сбежались надзиратели, и через полчаса Домбровский получил в тюрьме 30 розог.

Это — наивысшее число, которое по закону мог дать начальник тюрьмы любому смертному на острове (из ссыльных, конечно) по личному усмотрению, без суда и следствия. У губернатора эта прерогатива поднималась до 60 ударов, а у мелких чиновников падала до 15.

В ту же ночь т. Домбровский застрелился... Разумеется, товарищи не остались безучастными к этой гнусной истории.

К губернатору отправлена была делегация, которая от лица всей колонии политических ссыльных в категорической форме выразила негодование и потребовала судебного расследования. В результате вся колония, не исключая нелишенных прав административных, была засажена в кандальную тюрьму. Только настойчивость жен, заявивших, что они не уйдут из губернаторской приемной, пока их мужья не будут освобождены, и просидевших там, не сходя с мест, трое суток, заставила губернатора отменить свое шальное распоряжение и выпустить заключенных.

В общем нами дорожили «постольку-поскольку». Мы не были бесполезными людьми на острове. Во всяком случае, более дешевых и честных работников хозяйственной администрации было не найти. Поэтому начальство шло на уступки в смысле неисполнения нами разных диких, унизительных предписаний. С Манучаровым был даже комичный случай такого рода.

Его только что привезли на поселение из Шлиссельбурга после 10-летнего заключения. Начальник округа, предложив ему заведывать библиотекой, находившейся при окружном управлении, сказал между прочим, подыгрываясь к заслуженному шлиссельбуржцу:

— Не думайте, что мы здесь какие-то звери. Мы умеем разбираться в людях; а с политическими даже здороваемся обыкновенно за ручку.

— Ну, положим, — отвечал с обычной своей добродушной откровенностью Манучаров. — Это не большая еще честь для политических.

Чем начальство было весьма даже оконфужено, — как говорят в старинных анекдотах.

Все это, конечно, прекрасно: «за ручку» там и прочее. Но соль-то вся в том, что сегодня тебя «за ручку», а завтра «по морде» и 30 розог на придачу, смотря по количеству употребленного начальством спирта и по размерам его проигрыша в штосс на вчерашней очередной вечеринке. И ничего тут не поделаешь, ничего не предусмотришь. Гарантий никаких.

Вот этот Дамоклов меч, этот произвол разнузданных хамов гнетет хуже «тяжких работ», хуже кандалов и тюремных нар с клопами величиной с горошину. Изо дня в день десять, одиннадцать, двенадцать лет подряд ложишься спать сегодня в своей хатке на краю Поста и думаешь: «А как завтра?»

Идешь по улице и приглядываешься — нет ли где кокарды, чтобы заблаговременно свернуть в переулок.

Сидишь за работой в музее или на метеорологической станции... «а вдруг!»

И это — «а вдруг» — треплет нервы до невозможности...

Сижу я однажды за работой по климатологии Сахалина. Вдруг — губернатор.

— Ну, покажи, что за инструменты у тебя тут. Все ли в порядке? (Губернатор был из забайкальских генералов и потому «не шибко» ученый.)

Подвожу его к стене:

— Вот барометр.

— Термометр, а не барометр! — строго поправляет генерал. — Барометр вот, на столе, в коробке; а это термометр. Видишь, ртуть налита в нем?

— То барометр-анероид Нодэ, — говорю я, стараясь не улыбнуться, — а это — сифонный, ртутный барометр Вильда-Фуса; при нем есть и термометр; вот он, — маленький, сбоку.

— Хм, хм! — генерал недоверчиво жует губами и смущенно отдувается.

— Ну, а погоду на завтра можешь предсказать?

— Для предсказания погоды необходимо иметь под рукою синоптические карты... — И я начинаю научное объяснение, применяясь к генеральской способности понимания.

— Все это одно шарлатанство! — вскипает, наконец, губернатор. — Только деньги казенные выматывают. Барометр этот, как его, Фуса какого-то (немец должно быть)— 150 рублей, говоришь, анероид — 50 рублей... Будка со всеми приборами не менее 200 рублей стоит... А это что еще?

— Чашечный барометр.

— Ча-ашечный? Куда столько, если на завтра погоды предсказать не можешь? Чорт знает что такое!

И смешно и досадно после таких «разговорчиков». А ведь это исход вполне благополучный.

А представьте себе, что у вас в такой момент нервы расшалились от «перенапряжения», как говорят техники, и на вызов вы не сумели ответить с достоинством высшего перед низшим. Что тогда?!

Кошмар ссылки состоял не в тяжести принудительных работ, а в полной беззащитности от произвола, от дикого

Рис. 3. *Бритье головы (по фотогр. автора 1898).*

самодурства всей окружающей тюремной администрации. И вне тюрьмы это ощущение гораздо острее, гораздо ближе

к взрыву, чем в кандальной, на самых тяжких работах в рудниках, среди нескольких сотен уголовных...

Началась политическая ссылка на Сахалин, как я уже говорил, в 1886—1887 году. Первыми привезли 14 человек из партии «Польского пролетариата». В том же 1887 году прибыли четверо по процессу террористов 1 марта 1887 г. и один шлиссельбуржец. За ними в следующем 1888 году— двое по процессу Лопатина и двое по делу о покушении на жизнь харьковского начальника тюрьмы. Далее в 1889 г. — трое по делу о бомбах в Новочеркасске и один по неизвестному в печати делу о террористической пропаганде в Харькове, а также пятеро административных (на 10 лет). В 1894 г. — двое за убийство предателя (оставшаяся нераскрытой организация боевых дружин народоправческой идеологии, до Натансона). В 1896—1897 и 1902 гг. — трое шлиссельбуржцев, в 1901 г. один — за убийство шпиона из ППС и, наконец, в 1902 г. — двое по делу о «бунте» на Обуховском заводе и в 1903 г. один был переведен из Сибирской каторги.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ЗАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА

Откуда взялось название С а х а л и н?

Несколько сот лет тому назад китайцы называли землю эту «Сах-алин анга-хальта», что значит — «Черные горы в устье реки».

Должно быть обилие угля на Сахалине еще в те времена было известно китайцам; оттого они и назвали его Черными горами.

В 1613 году, т. е. более 300 лет тому назад, японцы предприняли первую из известных научную экспедицию для изучения земли «Крафто», как они называли тогда Сахалин.

Экспедиция эта осмотрела лишь южную половину Сахалина, далеко не дойдя до того места, где в настоящее время узкий пролив Невельского отделяет остров от азиатского побережья. Нельзя думать, чтобы японцы и со стороны материка доходили до этого узкого места.

На южной половине Сахалина, сейчас же после посещения его экспедицией, появились японские рыбопромышленные фактории, подчинившие местное население японскому влиянию; туземцы же Амурского края и всего азиатского побережья даже в 1646 году были свободны от чьей бы то ни было власти. Об этом категорически говорит в своих записках известный «письменный голова и землепроходец» XVII столетия Василий Поярков. Таким образом японские ученые, обследовав только южную часть Сахалина и даже со стороны материка не побывав у северной, не имели никаких оснований помещать его на своей карте как остров.

Первоначальным обитателем Сахалина было племя неизвестной, может быть монгольской, а может быть и родственной полинезийцам, расы «тончи». Когда на соседнем (к югу) острове Матсмае японцы стали теснить коренных его жителей, аинцев, то последние частью выселились на Сахалин и, встретив там тончей, в свою очередь постепенно прогнали их к северу.

В аинских преданиях, говорит Поляков, имеется целый эпос об этих кровопролитных войнах из-за земельных и рыбных угодий.

Таким образом японцы, явившись на южный Сахалин в начале XVII столетия, встретили там уже только старых знакомых, аинцев.

Бродя по гиляцким юртам северного Сахалина в поисках материалов для этнографической коллекции [1], я записал из нескольких источников предание о том, как прадеды стариков гиляцких пришли на Сахалин от устьев реки Амура по узкому перешейку и в свою очередь стали вести бесконечные войны с тончами. С гордостью старики показывали мне тяжелые луки и щиты из моржевой кожи, твердые как кость, — свидетели боевой доблести их предков.

Тончи были культурнее гиляк и аинцев. Они знакомы были, например, с горшечным производством, о чем свидетельствуют находки глиняных черепков разнообразной формы с затейливыми узорами полинезийского типа. Они храбро защищались, но, теснимые одновременно с юга и с севера, постепенно вымерли, оставив на месте своих жилищ массу так называемых «кухонных остатков». Между прочим, в остатках этих исследователь Поляков находил много костей кабана, который, видимо, был в те времена постоянным обитателем Сахалина; это же в свою

---

[1] Составлена мною для Гамбургского музея.

очередь указывает на несомненную связь его с материком. По льду кабаны ходить не охотники, да и не к чему им это было делать, так как и в Амурском крае им нельзя сказать, чтобы было тесно, особенно в XVII столетии. По крайней мере, с тех пор, как появление узкого пролива на месте предполагаемого перешейка было установлено с полной точностью, ни одного кабана на Сахалине не

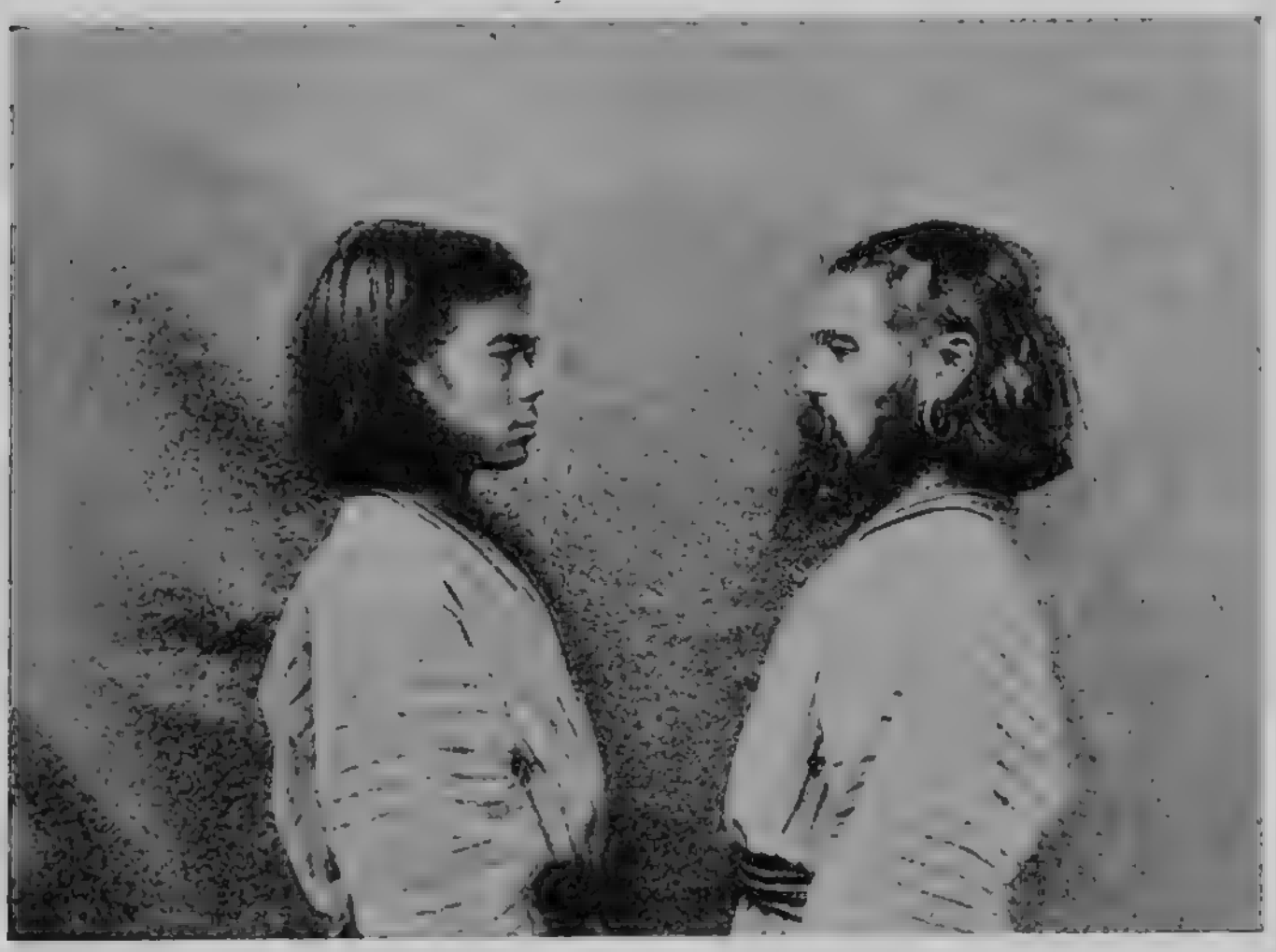

Рис. 4. *Аинцы (по фотогр. фон-Фрикена).*

появлялось, несмотря на то, что 8 месяцев в году он соединен с материком крепким слоем льда, особенно в узком месте пролива.

По слоям деревьев, выросших на «кухонных остатках», Поляков считает время выселения тончей с юга на север Сахалина в 135 лет. Таким образом можно с полной уверенностью предположить, что во время путешествия японских ученых в 1613 году Сахалин был еще полуостровом.

Через 30 лет после японской научной экспедиции берега Сахалина посетили голландцы. Случилось это таким образом.

В Голландии давно ходили слухи об островах Гéнизма и Кенизма, лежащих где-то у берегов Японии и будто бы очень богатых золотом и серебром. И вот, в 1646 году голландский генерал-губернатор Ван-Димен отправил туда два корабля под командой капитана Фриза. Бравый капитан благополучно довел свои корабли до Японских островов и к северо-западу от Иессо наткнулся на неизвестную землю, которую и назвал Портландом. Это был берег Сахалина у рыбацкого селения Томари-Анива в Анивском заливе.

Поднимаясь вдоль восточного берега к северу, Фриз добрался до 49° северной широты, где и занес на карту залив и мыс Терпения. Сильные штормы и туманы, а также надвигающаяся зима прервали дальнейшие исследования Фриза и заставили его повернуть назад.

Несмотря на эти экспедиции, в XVII веке о Сахалине господствовали самые туманные представления.

У одних исследователей Сахалин — остров «Крафто», у других земля Портланд, а на французской карте Сансона, выпущенной всего через 4 года после фризовской, материк Азии просто отделен от Северной Америки проливом д'Аньян. Сахалин, этот огромный кусок в 900 *км* длины, на этой карте совершенно отсутствует.

Разумеется, и описаний Сахалина в те времена совершенно не было. Только Витсен в своей книге «Север и Восток Татарии», изданной в 60-х годах XVII столетия, вскользь упоминает о Сахалине, называя его островом «Гильят, богатым лесами, реками и горами и лежащим против устья Амура». Да еще французский патер Шарлевуа, писавший о Японии, говорит о материке «Верхний Иессо», лежащем к северу от Матсмая.

Впервые Сахалин под его современным названием появляется только в 1735 году на карте французского географа д'Анвиль. Это, впрочем, и неудивительно, так как при составлении своей карты д'Анвиль пользовался трудами пекинских миссионеров (иезуитов), посланных китайским императором Кан-хи для исследования Татарии (так назывался тогда весь восточный берег Азии). Естественно, что эти исследователи использовали в своих трудах китайские названия, а мы уже говорили, что название «Сах-алин», т. е. «Черные горы», дано острову именно китайцами. Но и сведения, добытые д'Анвилем, точностью не отличались. По крайней мере на его карте южный Сахалин, вместе с заливом Терпения, отделен от северного широким проливом.

Даже знаменитая русская «Северная экспедиция», с Берингом во главе десять лет работавшая по берегам северных морей (1733—1743 гг.), не могла дать точных сведений о Сахалине. В объяснительной записке к старой карте Камчатки, которой пользовалась экспедиция, говорится, между прочим, о соединенных островах «Иессо» и «Сахалин».

Ошибка произошла вот почему.

Лейтенант Шельтинг, посланный в 1742 г. Берингом из Камчатки для исследования берегов Охотского моря от реки Уды до Амура, подошел на шлюпках к восточному берегу Сахалина у 50°10′, т. е. приблизительно на половине острова, и продвинулся вдоль его до 45°34′, т. е. до самого пролива, отделяющего Сахалин от Иессо и названного впоследствии Лаперузовым. Но сильные туманы помешали Шельтингу видеть этот пролив, а постоянные штормы заставили его спешно вернуться в Охотск, прервав дальнейшие наблюдения. Кое-как видневшийся пролив он принял за залив, а мелькавшие вдали горы Иессо за продолжение Сахалинских хребтов.

Наиболее правдоподобными являются все-таки сведения, добытые от китайцев Миллером, писавшим об Амуре, и особенно Крашенинниковым, который в труде своем о Камчатке говорит и о Сахалине.

Вот дословно этот интересный отрывок, взятый мною целиком из книги Никольского.

«С Рициго-Офоро (мыс на материке близ устья реки Амура) — самый ближайший переезд на великий и жилой остров, который с северо-восточной в юго-западную сторону около $4^1/_2°$ простирается. Верхняя его изголовь в одной широте с рекой Уле-бира, а нижняя в 49°50′ на китайских картах объявлена, а ширина пролива между Рициго-Офоро и великим оным островом не более 30 верст показана».

Это описание уменьшает размеры Сахалина по длине ровно вдвое, а ширину пролива в самом его узком месте преувеличивает вчетверо. Очевидно, и китайские географы, картами которых пользовался Крашенинников, сами на Сахалине тоже не бывали, а нанесли его на карту по непроверенным рассказам.

Более посчастливилось Лаперузу.

В 1787 году французская «Брестская экспедиция» под его начальством зашла на двух фрегатах в Татарский пролив и под широтой 48°35′ заметила «большой остров, образующий с материком угол в 30°».

Это был Сахалин.

Лаперуз подошел к острову и бросил якорь в небольшой бухте, которую назвал «Де-Лонгль» в честь командира второго фрегата экспедиции. Здесь Лаперуз 13 июля 1787 года в первый раз нашел кусочки угля. Плывя дальше к северу, он последовательно давал разным пунктам названия в честь членов своей экспедиции: бухта Д-Эстен, пик Де-Мартиньер, залив и мыс Де-ля-Жонкиер и т. д. Когда поднявшийся шторм заставил фрегаты укрыться

в прекрасной гавани на азиатском берегу, названной Лаперузом «Де-Кастри», то жители начертили им карту Сахалина и знаками объяснили, что в самом узком месте пролива нужно тащить лодки волоком по перешейку. Таким образом, предполагаемый пролив в описании Лаперуза оказался заливом.

Услыхав о присутствии на Сахалине каменного угля, в Европе заинтересовались открытиями Лаперуза, и различные мореплаватели один за другим принялись за исследования.

В 1796 году английский капитан Брайтон пытался пройти из Де-Кастри в реку Амур и Охотское море Татарским проливом, но это ему не удалось, хотя его бриг имел осадку всего в 10 футов; Брайтон пришел к тому же заключению, что и Лаперуз, т. е., что Сахалин — полуостров.

Через 7 лет те же воды посетил Крузенштерн, начальник кругосветной экспедиции, снаряженной на 2 кораблях Российско-американской компанией. Он лично работал над описью берегов Сахалина. Пройдя от острова «Матсмай» через Лаперузов пролив к мысу «Крильон» на Сахалине, Крузенштерн поднялся по западному берегу Анивского залива до бухты Лососей и там в 1805 г. водрузил русский флаг. Обогнув мыс «Анива» и открытый голландцами мыс «Тонин», он 25 мая должен был уйти в Камчатку, так как в заливе Терпения оказалось огромное скопление льда.

Я нарочно отмечаю эту подробность, чтобы читатель наглядно мог себе представить, насколько холодны околосахалинские воды. Под 49°, т. е. на широте Полтавы, в конце мая (в начале июня по новому стилю) море еще покрыто льдами, тогда как, например, у нас в Ленинграде, на целых 11° севернее, ладожский лед окончательно проходит через Неву уже в первых числах мая.

Только через месяц, т. е. в конце июня, Крузенштерн мог снова приблизиться к мысу Терпения; оттуда он направился вдоль восточного берега Сахалина к северу, последовательно нанося на карту: Тюлений остров, мысы Белинсгаузена, Рымник, Ратманова, Делиль-де-ля-Кройер, Бутен, Песчаный, Клокачева, Левенштерна, Елизаветы и Марии.

Обогнув таким образом Сахалин с севера, Крузенштерн начал спускаться Татарским проливом к югу, отмечая мысы на острове и материке. Отсюда он «несколько раз посылал гребные суда исследовать пролив, но, за мелководьем, те не могли пройти дальше к югу», и экспедиция вернулась в Камчатку, решив, что Сахалин — полуостров.

Итак, уже третий известнейший мореплаватель признал Сахалин полуостровом. Но подобное заключение являлось результатом одних догадок; точных сведений все-таки не было.

Японцы могли бы дать эти сведения; в 1808 году они послали землемера, Мамна-Ринзо, исследовать Сахалин, пролив и прилегающее азиатское побережье; поручение это он выполнил блестящим образом, путешествуя на легкой лодке с Сахалина в Амурский край и обратно, — но результаты его исследования остались тогда для русских тайной. Дело в том, что к этому времени отношения между Японией и Россией неожиданно обострились вследствие дикой выходки камергера Резанова.

Этот господин хотел на свой страх и риск принудить японское правительство к торговле с Россией; в 1806 году он послал на южный берег Сахалина два небольших судна под командой Хвостова и Давыдова; эти молодцы, после неудачных переговоров с японскими рыбопромышленниками, открыли военные действия и разгромили несколько факторий. В результате такой «дипломатии» японцы в сле-

дующем, 1807 году, захватили в плен лейтенанта Головина, посланного для описания берегов Сахалина и Курильских островов.

Ясно, что после такого пассажа японцы не пожелали поделиться с русскими сведениями, добытыми Мамиа-Ринзо.

Последующие попытки — Подушкина в 1809 г., Литке в 1829 г. и Гаврилова в 1846 г. — носили поверхностный характер и ничего существенного, в смысле описания Сахалина или хотя бы решения загадки — остров он или полуостров, — не дали.

Наконец в 1849 году Невельский отправился на военном транспорте «Байкал» в трудную экспедицию для разрешения вопроса о проливе и его судоходности. Подобно Крузенштерну, он обогнул остров с севера и пошел к югу вдоль Татарского пролива. Войдя в лиман Амура на глубине 9 метров, он исследовал его и двинулся на шлюпке к узкому месту. Там, вместо перешейка, предполагавшегося Лаперузом, Брайтоном, Крузенштерном и Гавриловым, он открыл пролив, шириною в $7^1/_2$ *км*. Оказалось, что в устье Амура со стороны Татарского пролива, т. е. с юга, могут приходить суда с осадкой и в $3^1/_2$ *м*, а со стороны Охотского моря, с севера, — до $3^1/_2$ *м*.

Сведения о месторождениях угля на Сахалине подтвердились самым блестящим образом. А. Кеппен в своей книге «Остров Сахалин и его каменноугольные месторождения» так описывает это важное открытие.

«В зиму 1851—1852 года начальник Амурской и Сахалинской экспедиции, капитан-лейтенант Невельский, получил случайно от гиляков сведения, что на западном берегу Сахалина, у мыса «Погоби», находятся целые горы «черного мягкого камня».

Вспомнив, что еще Лаперуз находил уголь на Сахалине, Невельский сейчас же, зимой, на собачьих нартах командировал туда лейтенанта Бошняка.

Последний заметил наибольшее обнажение пластов угля между рекой Виахту и заливом Уанды, затем в Мгачах и Дуэ.

Весной на Сахалин отправился второй член экспедиции, Шмидт. Он произвел первые научные исследования по геологии, геогностике и ботанике от Дуэ к югу до залива Терпения, затем, следуя центральной полосой острова, к северу по реке «Поро-най» и по реке «Тыми» и перебравшись оттуда через горы опять на западный берег к гиляцкому селению «Арк-во», он снова был в Дуэ, откуда, уже в поперечном направлении, прошел на восточный берег к селению «Тро».

Тем временем доктор экспедиции, Брылкин, познакомился с языком, нравами и обычаями аинцев, а Шебунин дал первую, более или менее точную карту Сахалина и даже шагомерную съемку всего западного берега (около 900 верст).

Пока шли эти научные изыскания, русский посланник в Японии, граф Путятин, всеми силами старался удержать Сахалин за Россией, намекая даже, что южная часть его, начиная с 50-й параллели, может быть уступлена со временем японцам.

— А еще говорят, что пророков не бывает!

Как бы там ни было, но в августе 1853 года Невельский высадил 5 человек команды, с Орловым во главе, на западном берегу Сахалина, в бухте под 50° северной широты, где и основан был пост Ильинский; а 20 сентября он оставил уже большую команду, — под начальством майора Буссе и лейтенанта Рудановского, — значительно южнее, в заливе Анива, против японского селения «Томари-Анива».

Переговоры с начальством этого селения оказались самыми «благоприятными», так как на господствующих холмах Буссе предварительно поставил пушки.

Вновь основанный пост получил имя Муравьевского. Так совершилось неофициальное занятие Сахалина русскими.

Подошло время Крымской войны.

Известный широкой публике, по описанию Гончарова, фрегат «Паллада» прибыл в Японию и, забрав посланника Путятина, укрылся в «Императорской гавани» в Татарском проливе на азиатском побережьи.

Команды сахалинских постов были сосредоточены там же, и самые посты сняты.

Мирный трактат 1854 года оставил Сахалин попрежнему неразделенным между Россией и Японией. Тем не менее в 1856 году, по приказанию генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского, специально посланным пароходом «Америка» был основан пост «Дуэ» около гиляцкой деревушки того же названия, где предыдущими экспедициями найдены были богатые залежи угля.

Мощность угольных пластов и хорошее качество угля, удостоверенное еще в 1854 году командиром шхуны «Восток» Римским-Корсаковым, манили начать разработку копей. И вот, в 1857 году военный губернатор Приморской области, контр-адмирал Казакевич, послал горного инженера Носова исследовать условия разработки.

В результате Носов занялся заготовкой угля для парохода «Америка» близ самого поста «Дуэ». Таким образом мы видим, что еще за 20 лет до официального присоединения Сахалина к русским владениям (1875 г.) Россия уже пользовалась его естественными богатствами.

Японцы тоже не зевали и усиленно переселялись на побережье Анивского залива, привлекаемые туда главным образом богатейшими рыбными ловлями.

Так продолжалось до конвенции 18 марта 1867 года, в которой было упомянуто о возможной передаче всего

Сахалина России за уступку Японии Курильских островов; при этом лицам обеих национальностей разрешался свободный проезд по острову.

Немедленно же на Сахалин был командирован русский чиновник для заведыванья островом. В Муравьевском посту поставлена была рота пехоты, а в посту Ильинском (Косу-най) — другая. Так состоялось в 1867 году фактическое занятие южного Сахалина.

В том же году командирован был для геологических исследований острова горный инженер Лопатин. Начав свои экскурсии с 50-й параллели, он за 2 года осмотрел всю южную половину Сахалина и даже делал разведки на золото (по левым притокам реки Найбучи). Одновременно гидрографический департамент произвел промеры, а также астрономические, магнитные и другие наблюдения.

Самые обширные сведения по этому отделу добыты были Старицким, который работал у берегов Сахалина с 1866 по 1871 год. Плодом его продолжительного труда были ряд хронометрических связей по русским берегам Японского моря, магнитные наблюдения, промеры и две меркаторские карты Татарского пролива. Он же первый определил широту и долготу в Дуэ, в устье реки «Сартунай», мыса Томари-Ханке, Косуная, бухты Поро-Томари, острова Моннерон, мыса Крильон, поста Корсаковского, пролива Кускова, озера Буссе и устья реки Найбучи.

В то же время младший штурман корвета «Баян», Фелицын, произвел гидрографическое исследование четырех больших озер на юго-восточном полуострове Сахалина и протока Тунайчи.

Между тем разработку Дуйского рудника взяло на себя тюремное ведомство, прислав для этой цели несколько партий каторжан и основав страшную по своему жестокому режиму Воеводскую тюрьму. Но непривычные к делу

люди, да еще из-под палки, работали плохо; ни штейгеров ни хороших указателей не было, да и само начальство, не отдавая себе отчета в государственном значении предприятия, смотрело на добычу угля лишь как на меру наказания. Ввиду полной неудачи эксплоатация Дуйских копей была прекращена в 1875 году.

Уже с 1869 года новые партии присылаемых на остров каторжан употреблялись исключительно для хозяйствен-

Рис. 5. *Пост Корсаковский в 1898 г. (по фотогр. автора).*

ных работ. Проводились дороги между постами, выстроены были Александровская тюрьма и ряд казенных учреждений вблизи образовавшегося поселка Малой Александровки.

На южном Сахалине переселенцами из Черниговской губернии заложен был пост Корсаковский.

Пионерам этих подготовительных работ приходилось очень туго. Жили они в юртах, по образцу гиляцких, питались как попало и чем попало; здоровье и самая

жизнь человеческая считались ни во что. Но зато добрая половина таких «работников» находилась в бегах как к собственному благополучию, так и к удовольствию начальства; ведь оно неукоснительно получало казенные пайки на «мертвые души».

А люди науки понемногу продолжали свое дело. Доктором Добротворским издан был в 1870 году «Краткий очерк природы южного Сахалина» и составлен аинско-русский словарь. Доктором Августиновичем, сопровождавшим партию ссыльных, доставлена была с Сахалина коллекция естественных произведений, в которую входило до 400 видов растений, несколько окаменелостей и немного представителей фауны. Им же было помещено в различных периодических изданиях несколько заметок об естественных богатствах Сахалина и о быте его жителей, как ссыльных, так и туземных.

В 1873 году Горный департамент послал на Сахалин инженера Кеппена для точного определения месторождений угля и для рассмотрения способов его разработки. В том же году агроном Мицуль, прожив несколько лет на Сахалине, обнародовал свой труд по лесоводству и сельскохозяйственной части, а также по орографии, флоре и фауне острова.

Результаты всех этих исследований, особенно же богатство Сахалина каменным углем и положение его при устье Амура, к которому он является как бы ключом, заставили русскую дипломатию нажать все пружины, и в 1875 году, по Петербургскому трактату, Сахалин отошел в русское владение за уступку Японии Курильских островов. Конечно, вряд ли Япония очень обрадовалась такой мене, но... «дело ее тогда было маленькое».

С этого момента Сахалин начал быстро заселяться, главным образом, конечно, ссыльными.

Остров был разбит на 3 округа: Корсаковский— на южном Сахалине — с административным центром, постом Корсаковским (основан в 1869 г.), Александровский округ — на западном побережьи острова — с центральным управлением в посту Александровском (основан в 1881 г.) и Тымовский округ в центральной и восточной полосах Сахалина с главным селением Рыковским (в 1880 г.). Во всех этих трех центральных пунк-

Рис. 6. *Пост Александровский (по фотогр. автора).*

тах построены были тюрьмы, а в Тымовском округе, кроме центральной, еще две тюрьмы: в селении «Дербинском» и в селении «Онор». Началась знаменитая колонизация Сахалина.

Одним выстрелом предполагалось убить двух зайцев. «Смягчать загрубелые, хищные натуры каторжан в обстановке мирного сельскохозяйственного труда» и создать таким образом из дикого острова «цветущую колонию», нечто вроде Австралии. А так как нельзя же тяж-

кого преступника сразу приобщить к сельской идиллии, то нужно дать ему предварительный искус, чистилище, так сказать, в виде «тюрьмы для испытуемых»; находясь там, он постепенно подготовится, попривыкнет к полезному труду и заодно послужит рабочей силой для разработки угольных богатств острова; это будет законной компенсацией за его содержание.

Видите, как все это хорошо и просто.

И вот началась доставка ссыльных.

На пароходе четыре глубоких трюма. У трапов — часовые.

Железная крутая лестница, как в трубе, идет в железной решетке до самого дна.

Внизу помещение трюма со всех сторон окружено решеткой из толстых трубок, снабженных тысячами отверстий. В случае бунта в эти трубы пускают пар под сильным давлением, и все обитатели трюма могут свариться в несколько минут.

Решетка отстоит на один метр от боковых стенок трюма, в которых проделаны круглые окна — иллюминаторы. Вдоль стен, за решеткой, ходит часовой. У двери на лестницу — другой. Внутри обширной клетки трюма — расположены в три яруса нары. На них размещается 200 человек. Всего пароход берет за раз 800 каторжан.

Можете себе представить, что там творится во время шторма, особенно ночью.

Сонные люди сваливаются с нар на пол. Верхних рвет на нижних. Те ругаются самым отборным образом, но и их самих тоже рвет. Вонь, ругань и крик смешиваются с бряцаньем цепей. В полумраке глубокого трюма едва мерцают 2—3 маленьких лампочки на потолке посредине прохода.

Черные тени людей мечутся во все стороны, изрыгая отвратительные ругательства и потоки рвоты. Нары и

пол покрыты ею так, что ноги шлепают в этом месиве. Еще бы, ведь двести человек! А пароход качает все сильнее и сильнее.

Не лучше и во время адской жары в тропиках.

Помню, вошли мы (пароход «Ярославль») в Красное море. Здесь нас расковали и заново обрили, но уже не полголовы, а всю голову.

Без цепей стало значительно легче, но все же сидеть в трюме было невыносимо тяжело. Люди пораздевались донага. Пот лил со всех ручьями, как в бане. Грудь сжимало и в глазах мутилось. Казалось, что сейчас голова лопнет от боли.

У многих все тело покрылось нарывами, из которых сочился гной. Это — так называемая тропическая сыпь.

Появились смертные случаи от тепловых ударов.

Как только с кем-либо случался обморок, кричали часовому; он давал свисток; являлись два санитара и уносили беднягу на палубу.

Большинство не возвращалось уже оттуда. После я узнал, что почти все они умерли и их спустили в море зашитыми в холст с тяжелым колосником в ногах.

Дней двадцать подряд продолжалась эта пытка вперемежку с жестокими штормами. Все же путешествие занимает 45 дней.

Выйдя из Одессы в половине марта, каторжный корабль («Ярославль»), бывало, в первых числах мая уже высаживает в посту Корсаковском часть своих подневольных пассажиров — человек 200 малосрочных; остальных со сроками на 8—10—15—20 лет каторги везут дальше на север, в пост Александровский. Здесь их сортируют в карантине и постепенно рассылают по тюрьмам.

Общая вместимость всех сахалинских каторжных тюрем была рассчитана на 6—6½ тысяч человек. Но ежегодно весенний «сплав» давал человек 800 новых ка-

торжан из Европейской России, да еще осенний — человек 200 из Сибири (с ними же доставлялись и женщины). Таким образом каждый год население тюрем должно было возрастать на 1 000 человек. Нехватило бы в конце концов ни рабочих рук, ни конвоя, ни начальства, чтобы строить и обслуживать все новые и новые дома заключения. Вот тут-то и выступало на сцену спасительное подразделение каторжан на два разряда: «испытуемых» и «исправляющихся».

Заработавший 20 лет каторги должен просидеть в «испытуемой», или иначе кандальной, тюрьме — 4 года, с 15 годами — 3 года, с 10 годами — 2 года и т. д.

Каторжанин, переведенный в разряд «исправляющихся», переселялся в «вольную тюрьму» (оригинальное название!), а при желании и на вольную квартиру. Последнее даже поощрялось. Его снабжали ежемесячно сухим пайком и предлагали ежедневно являться «на рас-командировку» (регистрация и назначение работ). Тут полный простор для произвола и всевозможных комбинаций. Шли в услужение к чиновникам, или давали обязательство бесплатно доставить столько-то бревен за год, или уступали кому следует свой паек и получали взамен негласное право заниматься чем угодно.

Одним словом, к большому, весеннему сплаву тюрьмы разгружались всегда настолько, что не бывало еще случая, чтобы нехватало вакансий для вновь прибывших.

За первое десятилетие сведений о движении каторжан по округам Сахалина у меня не сохранилось, но за второе, т. е. с 1891 года по 1900 включительно можно с полной достоверностью сказать, что в тюрьмах Александровского округа (Дуйская и Александровская) содержалось в среднем около 3 000 человек в год, в Тымовском округе (Рыковская, Дербинская и Онорская тюрьмы) — 1 650 человек и в Корсаковской тюрьме—около 1500 человек. При

этом женщин сидело по тюрьмам всегда в 7—8 раз меньше, чем мужчин. Число поселенцев, окончивших каторгу, приблизительно можно считать таким же, как и содержащихся по тюрьмам каторжан, а число крестьян из ссыльных вдвое меньше.

Например в год моего прибытия на Сахалин (1894 г.) на острове числилось ссыльного населения 18 181 человек, из которых каторжан — 6 993, поселенцев — 7 468 и крестьян — 3 720.

Да простит мне читатель, что, взявшись рассказывать о Сахалине, как о «Черной жемчужине Дальнего Востока», я коснулся и такой печальной и как бы не идущей к делу стороны его, как ссылка.

Но недаром легенда говорит, что жемчуг — это застывшие слезы.

Обилие угля окрасило их в черный цвет в данном случае, но слез человеческих на Сахалине было пролито за 30 лет каторжным населением столько, что совсем умолчать о них было бы вопиющей несправедливостью.

Конечно, больше всего страдания выпало на долю жен и вообще семейств, добровольно последовавших за своими мужьями и отцами, а также на долю детей, родившихся в ссылке.

За тот же 1894 год такого «полноправного» населения острова числилось 5 953 человек. Из них добровольно последовавших — 1 293, детей — 4 412, а крестьян из детей ссыльных — 248.

Интересно, что добровольно последовавших мужей числилось на острове только 4 человека, а жен — 1 289!

Служащих гражданского и военного ведомства с семьями числилось в то же время на острове 2 435 (из них мужчин — 1 977, женщин — 164, детей — 294).

Таким образом в 1894 году я застал на острове всего населения, кроме туземцев, 26 569 человек. Из них 20 613 мужчин и 5 956 женщин.

Число это мало колебалось за последующие годы и вряд ли возросло к концу ссылки, т. е. к 1905 году, свыше 35—40 тысяч человек.

Прилив ссыльных в значительной степени замедлялся ежегодным отливом.

Как мы уже говорили, ежегодно к весеннему сплаву часть каторжан переводилась из кандальных тюрем в «вольные», а оттуда в свою очередь соответствующее число освобождалось на поселение. С поселения же публика усердно эмигрировала на материк, для чего хитроумно пользовалась циркуляром, проведенным в целях облегчения колонизации острова. Циркуляр этот гласил, что каждый поселенец, построивший хату (о размерах и достоинстве не сказано), получает право выезда на материк через 4 года после окончания каторжных работ, а непостроивший — только через 6 лет. Ясно, что догадливые «колонисты» забивались куда-нибудь в дальние селения, подальше от начальства, наскоро лепили что-то вроде собачьей будки и, промаявшись кое-как положенные 4 года, опрометью бежали в более гостеприимную и обильную заработками Сибирь-матушку. Таких поселений на Сахалине было 111 с общим числом около 8 700 человек взрослых (из них около 900 каторжан, живших на посельи с соизволения начальства в видах «экономии» в тюремном котле). Получается приблизительно по 1 человеку «колонизаторов» на 8 *кв. км.*

После войны с Японией, южная часть Сахалина с площадью в 34 325 *кв. км*, по Портсмутскому договору, отдана была японцам (начиная от 50-й параллели к югу).

Деятельные юркие японцы скоро поставили наших мало предприимчивых поселенцев и крестьян в такое по-

ложение, что те почти поголовно начали выселяться в северную часть Сахалина, или совсем уезжать с острова. Фактически и до войны 1904—1905 гг. южная часть Сахалина была почти вся в руках японцев, что мне пришлось наблюдать и лично.

Однажды (было это летом 1898 года) губернатор уехал по делам службы месяца на два во Владивосток. Он частенько, бывало, заглядывал то в школу, которой заведывала моя жена, то ко мне, на метеорологическую станцию. Поэтому отлучаться никуда я не рисковал. Но тут случай был очень удобный, и я решил пробраться, пешком конечно, из Александровского поста, где жил, — в пост Корсаковский. Туда в 1897 году привезена была на поселение Людмила Александровна Волькенштейн после 13-летнего заключения в Шлиссельбургской крепости. Нужно было уговорить ее переселиться к нам на север. Начальство никаких препятствий к такому переезду чинить не стало бы, так как ссылка в северную часть острова считалась хуже, чем в южную.

И вот, поручив станцию жене, я с ружьем в руках и с фотографическим аппаратом за плечами двинулся туда сначала с партией телеграфных рабочих, а с полдороги со знакомым электротехником. Итти надо было около 600 километров.

Тут впервые познакомился я с Сахалинской тайгой, а выйдя на берег залива Терпения, воочию увидел, какая масса была там японских рыбных промыслов.

Все побережье этого залива усыпано было камышевыми сараями для жилья, а также для засола и сушки рыбы. На протяжении трехсот километров береговой полосы жило не менее 30 000 японских рабочих. Во время войны они, конечно, исчезли, но после Портсмутского договора вновь заняли старые места. Немудрено поэтому, что перепись 1920 года показала на южном Сахалине

106 000 населения, т. е. по 3 человека на 1 *кв. км*. Почти поголовно все это были японцы. Главным промыслом их попрежнему служит ловля сельди. Разрабатываются также там в настоящее время каменноугольные месторождения, к которым царское правительство и не прикасалось в южной половине острова, а также найденные самими японцами россыпи золота. Вообще Япония нашла ключ к сахалинской сокровищнице и деятельно принялась за ее разработку.

В таежных дебрях, где я бывало едва тащил ноги, осаждаемый тучами комаров и мошек и слушая хруст и сопенье пробиравшегося сторонкой медведя, — теперь проведена линия железной дороги, пыхтят заводы и ключом бьет промышленная жизнь. Впрочем, и в прежние времена, до 1905 года, японцам жилось недурно на берегах залива Терпения. Народ они подвижной, энергичный и, — не в пример обычному азиатскому спокойствию,— очень жизнерадостный.

Особенно любил я наблюдать, как они работают. Игра какая-то, а не работа в том смысле, как мы привыкли понимать ее. Смотришь, бывало, и невольно сравниваешь.

Вот «Синто» (артельный староста) крикнул что-то, выйдя с восходом солнца на пляж из своего камышевого сарая. Моментально два десятка полуголых, бронзовых от загара японцев стали по сторонам кунгаса (лодка человек на 12). Один визгливым голосом затянул:

— Хи-э-ра-ро-о! Хи-э-ру-си-и!

Остальные гортанным выкриком дружно подхватили: «Хо!»

И кунгас, как по маслу, пролетев по широкому пляжу, с плеском врезался в воду.

Люди со смехом и шутками на ходу вскакивают в лодку, как хороший наездник на горячего коня. Трое-четверо как перышко подхватывают и ставят мачту,

столько же подымают парус, разбирают снасти, остальные расправляют и травят сеть. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего человека; а их так много кажется, на первый взгляд, как будто бы лишних. Но присмотришься и видишь, почему работа, что называется, кипит, а люди бодры и свежи до самого вечера: сложное дело у них диференцировано до мелочей, разобрано по отдельным последовательным усилиям между отдельными лицами — и все действуют дружно, ни на секунду не задерживая друг друга. Инстинктивное применение системы Тэйлора и какой-то врожденный коллективизм.

Смотрю, бывало, и думаю: вот эту лодку наши ребята тащили бы наверное втроем или вчетвером минут 20, а брань и проклятия на $^1/_2$ километра кругом пугали бы маленьких куличков, что так резво прыгают у самой воды, копаясь в змеевидных полосках наносного ила. Потом присели бы наши ребята на борт полусдвинутой в море лодки и, сдвинув со вспотевших лбов шапки на затылок, стали бы дрожащими от натуги пальцами свертывать цыгарки. Так еще прошло бы минут десять и т. д.

Идут, бывало, с работы под вечер наши лесорубы или рыбаки, положим. Идут нога за ногу; лица землистого цвета, глаза тусклые, плечи опущены. Снасти какие-нибудь или топоры и пилы тяжелым грузом придавили измученные фигуры. Видно, что люди вымотали из своих мускулов до капли все, что они могли дать за день работы. Осталась одна невыносимая усталость, подмывающая на ссору и на проклятия по адресу всего мира.

А вот артель таких же рыбаков, только японских. Выхватив из воды как перышко тяжелый, намокший за день, кунгас и моментально убрав снасти в сарай, они с веселыми криками рассыпаются по пляжу. Борьба, бег взапуски, всевозможные гимнастические трюки. Греют воду в огромных котлах для обязательной вечерней ванны.

Лезут туда по 4—5 человек сразу с возней и хохотом; плещутся, топят друг друга... Точно школьники на каникулах, а не трудовая артель после 12—14 часов напряженной работы в море.

Кстати закончу о своем путешествии.

С месяц провел я в пути. Добрался до поста Корсаковского, исполнил возложенную на меня товарищами миссию, т. е. уговорил Людмилу Волькенштейн переселиться в нашу колонию и... наткнувшись на улице на губернатора, случайно вернувшегося раньше срока, с большой помпой препровожден был обратно в пост Александровский на военном катере...

В противоположность южной части Сахалина, отошедшей к Японии, северная его часть до последнего времени оставалась мало заселенной. Окончившие пресловутые «испытуемые» и «исправляющиеся» сроки поселенцы выходили в тайгу с топором и веревкой за поясом (казенные), да с обещанием начальства дать еще в придачу бабу и корову.

Вот казалось бы, что тут-то и пойдет «колонизация!»

Но штука в том, что в то же время три четверти старых поселенцев, закончив 4-летний стаж полицейского колонизаторства, утекают на материк, на долгожданную «тую сторону».

Были, конечно, такие поселья, где земля и местоположение оказывались благодарными для земледелия. Например — селение Михайловка в Александровском округе имела 130 разработанных участков; или в Тымовском округе — селение Рыковское — 393 участка, Дербинское — 203, Палево — 143, Андрее-Ивановское — 128, Адо-Тымь — 105 и т. д. Но таких поселий в северной (теперь нашей) части Сахалина можно было насчитать 5—6, а по всему острову не более 10—12. Жители, владевшие этими участками, более или менее крепко за них

держались, а при отъезде выгодно продавали право владения. Но таких счастливцев (или несчастливцев — вопрос спорный) было очень мало.

Если не считать этого десятка более крупных селений и, конечно, административных центров, то на сотню рядовых поселений приходилось около 2 000 дворов, т. е. по 20 дворов на каждое в среднем. При этом можно было насчитать десятка три из них таких, где число дворов колебалось между тремя и семью.

Вот на сотню таких рядовых поселений, где жизнь едва была заметна, пять-шесть более населенных пунктов и представляли собой бутафорию для затеянной начальством игры в колонизацию острова. Ничего путного из этой игры не вышло, да и выйти не могло. Ни люди, посылавшиеся на остров, ни условия их труда, ни характер его природы не отвечали тем «высшим соображениям», которые им навязывались сверху.

Земля не давала того, чего она дать не могла, а то, что в ней находилось в изобилии, — ее естественная сокровищница, — тридцать лет оставалась Сезамом, ключа к которому никто не находил, да и не искал, по правде сказать. Люди же бежали с острова, как из чумного карантина, как только к этому представлялась малейшая возможность.

Между прочим, этим стремлением на материк людей, окончивших каторгу, — стремлением, которого не уменьшали ни пожилые годы, ни расшатанное здоровье, — объясняется малый процент смертности, приводившийся в официальных отчетах. Мало умирало не потому, что условия жизни были хороши, а потому, что умирать ехали на материк. Например, за 1897 год на 26 000 населения острова умерло только 471, что составляет всего около 1,8%. Из них наибольшее число смертей (123) приходится на возраст от 30—40 лет и 47 смертей на детей в возрасте от 1—5 лет.

Эти цифры наглядно показывают, что больше всего умирало на Сахалине людей в самую здоровую пору жизни, в том возрасте, в котором ссыльные волей-неволей должны были жить на острове, уже расшатав свое здоровье за молодые годы, проведенные в тюрьме. После 40 лет смертность резко падает, так как обычно люди этого возраста уже кончили каторгу и уехали на материк.

Страдали также совсем маленькие дети благодаря полному отсутствию надзора и ухода со стороны родителей.

Вообще рождаемость на Сахалине была очень незначительная; за 1894 год всего 396, причем цифра эта, как оговорено в отчете, выше прежних лет. Несмотря на это, они все же в процентном отношении к общему числу населения ниже цифры смертности.В предыдущие, а также в последующие годы эта разница еще больше. Факт, достаточно говоривший за то, чтобы бесповоротно осудить сельскохозяйственную идиллию, навязывавшуюся Сахалину царским правительством.

Что особенно сильно понижало процент рождаемости, так это проституция. Женщин на Сахалине всегда было мало: в 7—8 раз меньше мужчин, как я уже упоминал выше; вследствие этого среди ссыльного населения наблюдалась усиленная полиандрия (многомужество); кроме того, местные уроженки начинали слишком рано половую жизнь (с 11—12 лет) в форме проституции. Разумеется, это обусловливалось вовсе не какими-либо климатическими или вообще естественными условиями самого острова. Вообще прирост Сахалинского населения совершался весьма туго, несмотря на все старания царского правительства. Я уже упоминал, что к моменту прекращения ссылки (1905 г.) его можно было насчитать не более 35—40 тысяч по всему острову.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА САХАЛИНЕ

Что же делали те, кто не был заперт в сахалинских тюрьмах? Как выполняли они мудрые предначертания свыше?

Несколько нелицеприятных цифр из отчетностей местного начальства, с подобающими комментариями, конечно, дадут нам исчерпывающий ответ на эти вопросы.

На 8 700 с лишним человек, живших на посельях, приходилось в 1894 году 5 290 хозяйств и 5 900 десятин пахотной и усадебной земли (это из семи-то миллионов десятин), т. е. приблизительно по 1 десятине на хозяйство, а на человека и того меньше. И это при Сахалинском климате; при его постоянных ветрах, ранних заморозках, при его заболоченности! Тут не разгуляешься на одной-то десятине!

Средняя урожайность всех колосовых хлебов при этом показывалась в административных отчетах далеко не в таком виде, какой она бывала на самом деле. Возьмем для примера несколько данных об урожайности по всем трем округам за три года: 1895, 1896 и 1897.

ОКРУГА	1895 г.	1896 г.	1897 г.
Александровский	сам-4,0	сам-5,9	сам-4,4
Тымовский	» 5,7	» 6,0	» 5,5
Корсаковский	» 5,7	» 5,4	» 8,7
В среднем	сам-5,1	сам-5,8	сам-6,2

В среднем урожайность зерновых хлебов (озимая рожь, ярица, пшеница, ячмень и овес) выходит как будтобы приличная, почти сам-шост.

Но это одна бутафория.

В селении Рыковском, лежащем в защищенной долине реки Тыми, урожай ржи, например, сам-17,7, а в селении Палево — сам-1,2; в селении Васильевском Тымовского округа урожай пшеницы сам-19,4, а в селении «Селютора» того же округа — сам-1,8. Все зависит от местности, от того, насколько закрыта она хребтами от холодных ветров Охотского моря, да и не одного Охотского; не надо забывать, что Крузенштерн 25 мая (1805 г.) нашел в заливе Терпения, т. е. в южной половине Сахалина, такое огромное скопление льда, что должен был отказаться от высадки и целый месяц прождать в Камчатке.

И это — явление вовсе не единичное.

В Александровском округе снег на горах (не выше $^1/_2$ километра) лежит до первых чисел июля, а в сентябре выпадает уже новый; весь июнь по утрам наблюдается иней, а в сентябре начинаются заморозки.

Можно ли рассчитывать на сколько-нибудь приличную урожайность огромного большинства местностей на острове при таких условиях?

Всего лишь какой-нибудь десяток поселений, захвативших немногие лучшие места, служил в этих случаях для административных отчетов такими же бутафорскими фасадами из раскрашенного холста, какие ставил Потемкин на пути Екатерины II по Новороссии.

Крайне забавно читать велеречивые таблицы посевов и урожаев в отчетностях царской сахалинской администрации.

Подсчитав, например, такие цифры, как 196 889 пудов [1] зернового сбора в 1896 году, 204 094 пуда в 1897 и 213 725 пуд. в 1898 году, канцелярия военного губернатора соображает, что нельзя же «до бесчувствия» и наивно добавляет в примечании, что — «сведения эти при недостатках способа собирания их смотрителем поселений, или командируемыми для того надзирателями, не могут отличаться точностью; поступив затем в полицейское управление, они подвергаются еще и переделке по усмотрению писарей и затем в канцелярию военного губернатора поступают в таком исправленном и дополненном, но, к сожалению, никем не проредактированном виде, что разбираться в том, что в них неверно — весьма трудно, а иногда и невозможно» [2].

Я видел, как «командируемый надзиратель» собирал такие сведения в глухом посельи, между бутылкой самогона (по-сахалински — «самосадка») и азартной партией в штосс с поселенцами.

— Ты уж тово, Ферапонтыч, не подгадь! Пиши поболе в своих лепортичках, а то на тую сторону не выпустят; почему, мол, стараемся мало... — галдят вперебивку человек 20 поселенцев, после того как выяснилось, что посеяли они всего $5^1/_2$ пудов пшеницы (все вместе), да и та не взошла.

И Ферапонтыч, ублаготворенный крепчайшим самогоном и заигрыванъем смазливенькой поселенки, пресерьезно записывает в «лепортичку»: «селение Добротворское Алекс. окр. яровой пшеницы посеяно $5^1/_2$ пудов, собрано $112^1/_2$ пудов».

Такой сногсшибательный «факт» поступает в конце концов в канцелярию губернатора, и писарь, гордый своим

---

[1] 1 пуд=16,4 килограмма.

[2] Черным по белому написано на стр. 103. Сахалинского календаря за 1899 г. отдел I.

знанием арифметики, выводит против этих цифр: урожай сам=20,5 (стр. 108 — 1-й части Сах. кал. за 1899 г.).

И вот, разъезжают, бывало, такие Ферапонтычи по селениям и собирают «статистические данные». В результате — «средний сбор колосовых хлебов» чуть не 40 пудов с десятины [1].

Довольны решительно все.

«Примерные» поселенцы легче получают у смотрителя поселий одобрительные отзывы при хлопотах о выезде на материк. Сугубо доволен «Ферапонтыч», превративший статистическую командировку в веселый пикник и получивший поощрение от смотрителя за возможность в свою очередь представить в округ сведения о блестящем состоянии «вверенных ему поселений». Доволен в конце концов губернатор, отлично понимающий, какого рода отчетность может угодить тайным желаниям начальника главного тюремного управления, Галкина-Врасского.

Доволен и сам Галкин-Врасский, с торжеством потрясхивая на официальном заседании отчетом сахалинского губернатора.

— Что? Не прав я был, господа? Разве действительность не превзошла наших самых смелых ожиданий? Вот! 40 пудов с десятины! Черным по белому!

На самом же деле, только в некоторых очень немногих и необширных долинах острова хлеба дают 30—40, а иногда и более пудов на десятину. В среднем же, вообще по Сахалину, сбор не превышает 15—20 пудов, т. е. ничуть не лучше какой-нибудь Костромской губернии. И прочить остров специально под земледельческие колонии было прямо смешно.

Убедился в этом в конце концов и сам Галкин-Врасский, когда в 1895 году лично пожаловал на Сахалин посмотреть на «цветущие колонии ссыльных».

---

[1] Десятина равна приблиз. гектару.

Увидав на деле добрую половину заколоченных, кое-как сляпанных клетушек в посельях, вытянутых вдоль прекрасно содержимых дорог, клетушек одиноких, как грибки, без признака каких-либо надворных построек; увидав бесконечные косогоры с черной щетиной обгорелых пней и заполонившую их буйную поросль полутораса-женного лопушника, малины и ежевики, — посмотрев на все это, изобретатель Сахалинских колоний был весьма огорчен.

Он понял, что к его мечтам подыгрывались чуть не 20 лет и столько же лет надували его самым жестоким образом.

Но, должно быть, изменить себе он был уже не в силах. «Не удалось земледелие, попробуем скотовод-ство!»

С этим он и уехал обратно в столицу, пообещав содей-ствовать усиленному разведению на острове домашних коз:

— Тут все горы, да горы; для коз, знаете ли, раздолье.

Вся эта история с колонизацией Сахалина в целях смягчения нравов и процветания острова на манер ав-стралийских колоний, похожа на праздные мечты гоголевского Манилова, но мечты Манилова никому осо-бого вреда не приносили. Тут же за счет народных средств производились жестокие эксперименты над живыми людьми. Тут вырождалось, по крайней мере, два поколения людей, попавших на остров. Тут в продолжение четверти века ухлопывалось ежегодно по $2^1/_2$—3 миллиона рублей народных денег.

Только картошка одна и росла на Сахалине более или менее прилично. Особенно в Корсаковском (теперь при-надлежащий Японии) и местами в Тымовском округах. В среднем десятина дает там около 450 пудов при урожае сам-7—8.

Но если на Сахалине, на широте Харькова и даже Крыма, да и то при благоприятных условиях, может расти сам-сем картофель, то из этого довольно дико было бы делать заключение, что именно этот овощ и есть главная ценность, которую может доставить остров. То же самое можно сказать и относительно всего вообще земледелия на Сахалине. Ведь и в Средне-Колымске, за полярным кругом, политический ссыльный, народоволец Суровцев, выращивал не только картофель и ячмень, но даже огурцы и капусту. Как это главное тюремное управление не додумалось в свое время до того, чтобы и Средне-Колымск сделать центром земледельческих колоний?

ПОСЛЕ 1905 ГОДА. ОККУПАЦИЯ ЯПОНЦАМИ

Как только после 1905 года прекратилась ссылка на Сахалин и с нею кончилась полицейская колонизация, население там сперва сильно поредело, а затем стало прибывать.

Сначала схлынул чисто тюремный элемент, ничем еще, кроме кандальных «палей», с островом не связанный. Часть его просто разбежалась, а часть, и надо правду сказать, довольно значительная, была просто перебита во время оккупации.

Лично я не видел этих картин падения острова, расставшись с ним в марте 1905 года, когда срок моей каторги со всеми скидками и сокращениями закончился. Но затем, встречаясь в Благовещенске со многими из своих бывших учеников и сахалинских знакомых, я от всех слышал один и тот же рассказ; достоверность его подтвердил впоследствии и один из моих товарищей, М. Н. Тригони, с которым я встречался уже в Петербурге. Он до последнего момента оставался на Сахалине во время занятия его японцами и выехал оттуда через Японию.

Военный губернатор Ляпунов при мне еще организовал из ссыльных ряд дружин, человек по 200, для защиты острова. Все они были вооружены берданками и на арестантских бескозырках носили жестяной крестик. Льготы обещались самые невероятные, и публика шла в дружины охотно; все же кормили там лучше, чем из тюремного котла, и строевыми занятиями не особенно отягощали. Губернатор и все окружающие его заигрывали и заискивали.

Все шло хорошо, пока японские войска были далеко. В защиту поста Александровского на кладбищенских дюнах расставили пушки. Дружины ежедневно обучались стрельбе. Возле сел. Рыковского, в центральной части острова, рылись окопы и т. д. Но когда неприятель высадился совсем не там, где наметил ему генерал Ляпунов, а дружинники сейчас же наполовину разбежались, грабя далекие поселья, то пришлось отступать и отступать.

Рис. 7. *Рейд поста Александровского. Мыс «Жонкиер» и «Три брата» (по фотогр. автора).*

Наконец, в глубине болот Тымовского округа, голодные остатки сахалинских дружин окончательно сдались на волю победителей и в качестве военнопленных были отправлены в Японию.

Мирные жители, оставшиеся на месте, совершенно не пострадали. Всякое мародерство и разбой карались беспощадно.

Какая-то женщина из Малой Александровки, соседка моего ученика, рассказавшего мне этот эпизод, бросилась к проходившему японскому офицеру с жалобой, что у нее солдаты отняли курицу. Тот привел женщину в казармы, переговорил с командиром и после очной ставки с мародером, последний тут же был расстрелян. Женщина на коленях умоляла простить его, но напрасно; в несколько минут все было кончено.

Вот музей они аккуратно упаковали в ящики и увезли целиком к себе в Японию. А музей был довольно богатый. Долгие годы он с любовью собирался стараниями политических ссыльных и местных врачей. Особенно полна была этнографическая коллекция, собранная Л. Я. Штернбергом (административным ссыльным) и затем Б. О. Пилсудским (дело 1 марта 1887 г.). Недурны и довольно многочисленны были образцы местных рыб и птиц. М. Н. Тригони подарил музею великолепно исполненную коллекцию местной флоры. Немало и моих трудов там было положено за два года постоянной работы при музее. Много уделяли ему времени и местные врачи, большей частью служившие счастливым исключением из сахалинского чиновного персонала.

Весь этот музей японцы увезли до ниточки. Даже огромный скелет кита, около 30 метров длиною, поставленный на подпорках снаружи, вдоль всего здания музея,— они разобрали и тоже увезли.

Заняв пост Александровский, японцы предложили начальству, бежавшему с остатками дружин в Рыковское (за 70 километров), сдать этот административный центр без сопротивления. Те обещали, и японцы выслали небольшой отряд для оккупации.

Между тем сам Ляпунов продолжал отступать в глубь болот, а оставшееся начальство решило, что церемониться с «макаками» нечего и с двумя сотнями дружинников

устроило засаду. Разумеется, ничего хорошего из этого не вышло. Японцы заняли Рыковское, а изобретателей засады скоро отыскали путем допроса пленных и тут же перебили.

Увидев переполненную тюрьму, они обратились за разъяснениями к начальнику округа, Соболеву; он слыл передовым человеком и спокойно сидел на месте, когда все другое начальство металось в панике. На вопрос — годятся ли на что-нибудь эти люди, сидящие в тюрьме? он ответил: ни на что. — Тогда под большим конвоем их отвели в лощину, километров за 10 от Рыковского, будто бы для каких-то землекопных работ и там перерубили всех. Погибло около 300 человек. Между ними много было крестьян и поселенцев, бежавших из разоренных поселий и ночевавших в тюрьме за неимением другого ночлега.

После такой расправы остальные перестали ждать, и остров начал быстро пустеть. И после Портсмутского договора, когда японцы ушли за 50-ю параллель, очистив северную часть острова, долгое время она представляла собою настоящую пустыню. Сидели на своих местах только крестьяне нескольких богатых селений, да городские жители кое-как влачили жалкое, полуголодное существование.

Полученные мною за это время письма с Сахалина дышат безнадежной тоской и каким-то уже совсем первобытным колоритом.

Бывало верст на 12 от поста Александровского порядочного дерева не найдешь, а верст на 5, на 6 в окружности буквально все сопки стояли голые: все вырублено. А теперь, пишут, леса надвинулись со всех сторон к городу, все заполнили, на улицы лезут. А улицы пустые; домов мало; так, кое-где разбросаны, так что и улиц-то настоящих, собственно говоря, нет. Все крупные

здания сгорели: музей, тюрьма со всеми пристройками, клуб, канцелярии и т. д. То же и в других административных центрах: в Рыковском, Дербинском, в Оноре.

А о посельях и говорить нечего. Больше половины стоят в жалких развалинах, опушенных зеленью, и здоровые березы у некоторых сквозь крышу проросли.

Но Сахалин слишком богат, чтобы захиреть окончательно.

Японцы быстро развили такой темп промышленной жизни в своей южной половине острова, что и северная не могла долго оставаться инертной. Привлекаемое возможностью заработков и торговых оборотов с японцами, бежавшее на материк — поселение понемногу начало стягиваться на старые места и пополняться пришлым элементом из обильной, но сравнительно сонной, Сибири.

Перепись 1916 года показала уже 53 000 жителей в нашей части острова, к северу от 50-й параллели; из них сельского населения числилось 33 000 и городского 20 000. Такое соотношение показывает, что не для сельскохозяйственной колонизации собрались сюда эти люди.

Грянул 1917 год.

Революционная волна гнева народного постепенно залила всю Россию и, наконец, докатилась до восточных наших окраин.

Японцы, уже давно поработившие остров экономически, окончательно захватили его в свои руки: они понаставили батарей вдоль пролива и ввели во всей северной части свое управление.

Как жилось русскому населению под игом новых хозяев?

Во внешних проявлениях жизни, например, в смысле заработков и культурной обстановки, разумеется, лучше, чем во времена каторги. Знакомая учи-

тельница местной школы (наша бывшая ученица) писала, например, что она получаег 50 иенн в месяц (иенна равняется рублю), тогда как моя жена, десять лет подряд заведывавшая школой для детей ссыльного населения, получала все время только 25 рублей.

Вообще говоря, новые хозяева не дремали, работая, конечно, для своих же выгод. Местные предприниматели, да и пришлые также, легко получали право на разработку новых каменноугольных рудников (Петровского, Эриксоновского и пр.), и работа у них, хоть и вяло по недостатку оборотных средств, но все же шла, и население кое-как возле нее кормилось. Число рыбопромышленников тоже возросло: по берегу моря и в устьях рек, на местах прежде пустынных, один за другим вырастали сараи для засола и огромные котлы для варки тука. Близ селения Воскресенского, на среднем течении реки Тыми, они поставили даже рыборазводный завод, откуда каждую весну выпускали десятки миллионов мальков, и по течению реки вся эта рыбешка уходила в море.

И города (бывшие посты) стали прихорашиваться. В Александровске провели водопровод, для чего на соседних горных склонах выкопан был специальный бассейн. По улицам зимою пускали паровой снегоочиститель, который быстро приводил город в порядок после буранов, прорывая траншеи в снежных заносах.

Одним словом, понемногу японцы стали придавать и северной половине острова тот же внешне-культурный вид, которого они добились для южной. Но все это было чужое, наносное... Коренное население почти не принимало в этом участия.

Но двусмысленное положение скоро кончилось. Ряд причин заставил японцев уйти из оккупированной территории. В основном эти причины сводятся: 1) к от-

чаянному сопротивлению наших рабоче-крестьянских масс на Дальнем Востоке японской интервенции, выразившемуся в непрекращающемся партизанском движении в Приморской области вплоть до ноября 1922 г. и 2) в поражениях японской политики в Китае, начиная с лета 1923 г. и закончившихся в мае 1925 г. огромным антияпонским бойкотом во всем Китае. Эти

Рис. 8. *Снегоочиститель на улицах поста Александровского в 1906 г. при японской оккупации.*

причины привели в Японии к власти правительство кенсейкайцев, стоявших за признание СССР и решившихся уйти из Сахалина. В результате переговоров с Японией, в первых числах мая 1925 года на Северный Сахалин прибыла советская комиссия по приему территории, оккупированной Японией. Антисоветски настроенный, буржуазный, элемент заблаговременно выехал. Японские торговцы тоже ликвидировали свои дела. Они ждали

какой-то катастрофы, но катастрофы, конечно, никакой не произошло. Произошло крушение всего старого порядка с его общественной ленью и обделываньем мелких делишек.

Временно сахалинский Ревком подчинен был дальневосточному краевому центру в Хабаровске и начал свою трудную, подготовительную работу. В июне на Сахалин отправлена была первая партия советской соли, которая прекрасно выдержала конкуренцию с порт-саидской и, благодаря оживленно рыбных промыслов, всегда страдавших из-за дороговизны соли, торговая жизнь Александровска значительно усилилась.

Для поднятия самосознания новых советских граждан Ревком наметил большое расширение школьной сети и объявил добровольный набор учителей, а также устроил для них педагогические курсы. Открыли кооперативы, принялись за электрификацию. Сначала в Александровске, а затем и в окрестных селах. К 15 июля было электрофицировано село Корсаковка в 2 километрах от города, а 7 сентября деревня Михайловка в 7 километрах. Со всех сторон будоражили, тормошили сонную обывательщину, и результаты не замедлили сказаться.

Первые выборы в гор- и сельсоветы прошли очень оживленно (в конце сентября); участвовало 58% избирателей. Сдвиг в сторону политической активности очень большой, особенно если принять во внимание вековую запуганность масс и краткость срока их предварительной обработки.

Избрано было 27 сельсоветов.

Сахалин (нашу часть, конечно) разбили на 4 района, с непосредственным подчинением их Ревкому. Открыли ряд больниц и врачебных пунктов, организовали сеть школ на новых началах, а Госторг принялся за организа-

цию оптовой торговли, о каковой до сих пор на Сахалине и не слыхивали.

Посевная площадь в сельском хозяйстве значительно увеличилась. На острове имеется теперь несколько показательных станций и агропунктов, доставлено много сельскохозяйственных машин и орудий. Крестьянство снабжено семенами, обедневшее рыбацкое население получило бесплатно рыболовные сети. Организован сахалинский охотничий союз.

Рис. 9. *Сел. Рыковское (центральная часть) 1898 г. (по фотогр. автора).*

В отдаленных пушных пунктах открылись пушные фактории, где население в кредит может получить и муку, и мануфактуру, и охотничьи припасы. Охотничьи районы и туземные стойбища снабжены порохом, дробью и ружьями, чем нанесен существенный удар скупщикам-пушникам, десятки лет державшим в кабале туземное население.

За сравнительно короткий промежуток времени существования советской власти на Сахалине произведена

значительная организационная работа. Вводятся культурные начинания. Некоторые села уже освещены электричеством. В большинстве сел открыты избы-читальни, работают красные уголки. В Александровске функционирует Дом крестьянина. Молодая промысловая кооперация организует рыболовные и маслодельные артели. Каторжный Сахалин постепенно преобразовывается в один из культурных уголков великого Советского Союза.

Наконец, для улучшения связи с материком взялись за восстановление подводного кабеля через Татарский пролив и установили ежемесячные рейсы двух пароходов между Камчаткой, Сахалином и Шанхаем.

Таким образом совершилась «катастрофа», которой так боялись убежавшие «элементы». Население призвано к самодеятельности и, надо полагать, недалек тот час, когда под дружным напором коллективного труда начнет раскрываться сахалинская сокровищница.

ТУЗЕМЦЫ

Но есть еще одна часть населения — законные владельцы этой земли — туземцы.

Люди белой расы пришли туда, вооруженные до зубов, и приход этот был началом гибели коренного населения Сахалина.

Выше, в беглом историческом обзоре Сахалина, мы уже видели, что аборигены (древнейшие жители) Сахалина — тончи—были стиснуты с двух сторон и уничтожены; с юга аинцами, пришедшими с японского острова «Матсмай», а с севера гиляками, явившимися с Амура еще несколько сот лет тому назад, когда Сахалин соединялся с материком узким перешейком. С тех пор так и осталось: на севере — преобладание гиляков, на юге — аинцев.

Как те, так и другие — рыболовы и лесные охотники, причем аинцы несколько культурнее. У них, например, юрты строятся из бревен и кроются грубо обделанным тесом, представляя собой подобие обширных сараев, с крутой, двускатной крышей, а иногда и с окном. Они умеют делать посуду из древесной коры и из дерева, украшая ее затейливой резьбой; умеют плести не только веревки из волокон крапивы, как гиляки, но и грубые ткани. Гиляки живут беднее, неряшливее.

Едва видны из-под снега где-нибудь в глубине тайги их зимние юрты, покрытые древесной корою. Они тесны и совершенно без окон.

Летние юрты — на сваях; они строятся поближе к морю, в устьях рек, которые во время половодья смыли бы всякую иную постройку.

Всех гиляков на Сахалине, в период времени до 1905 года, можно было считать около 1 850 человек; из которых около 1 000 мужчин.

Цифры — старые.

Что сталось теперь с этим племенем — покажет новая статистика. Приведенные же цифры пригодятся для сравнения.

Рис. 10. *Аинская деревня (по фотогр. автора).*

Огромное большинство поселков этого племени расположено в Тымовском и особенно в Александровском округе, лежащем вдоль богатого рыбой Татарского пролива. В Корсаковском округе (японская часть острова) гиляков было всего 70 с лишним человек.

Весь живой инвентарь гиляка состоит из собак. Остроухие, остромордые — они очень напоминали бы волков, как ростом, так и всей повадкой (не лают, а воют по-волчьи), если бы не пестрая, очень пушистая шерсть и не обрубленный начисто хвост.

На собаках гиляк зимою ездит сам и возит тяжести, запрягая нечетное количество их в легкие, узкие и длинные (метров до 4) нарты (сани на высоких копыльях); «нечетное» количество — потому, что одна собака, передовая, служит вожаком и слушается отрывистых окриков хозяина; остальные же попарно расположены на ошейниках по обеим сторонам длинного каната, идущего от передней дужки нарт.

Рис. 11. *Гиляцкая юрта на сваях (по фотогр. автора).*

Из шкур собак гиляк шьет себе зимнюю одежду, причем, вместо ниток, употребляет выделанные сухожилья. В голодные годы собаки идут в пищу, но это — лишь в самом крайнем случае.

Обычную пищу гиляков составляет рыба: летом вареная и вяленая, а зимой сушеная (юкола), или замороженная до крепости кости и затем мелко наструганная острым ножом (очень вкусно, если слегка посолить). Рыбой же, летом сырой, а зимой юколой, они кормят и своих собак.

Рис. 12. *Гиляк в зимней одежде (по фотогр. автора).*

Количеством собак определяется степень зажиточности гиляка, причем ценность этого «домашнего скота» весьма различна. Рядовую собаку можно было приобрести за 50 коп. до 1 рубля, смотря по тому — бывала ли она в упряжке; передовая же расценивается от 5 и даже до 25 рублей, в зависимости от ее опытности и послушания.

Почтовые «каюры», т. е. ямщики, возившие почту на собаках между Николаевском-на-Амуре и Александров-

Рис. 13. *Сушка юколы из кеты у гиляков.*

ским постом на Сахалине (480 километров), могли спокойно дремать на своих нартах; в самый сильный буран, когда в двух шагах ничего не видно, передовая собака чутьем найдет дорогу, вернее, направление, так как дороги среди ежедневно передвигающихся торосов не существует (торос — это вертикально вставшая глыба льда).

Вожжей в нартовой упряжке нет, и все управление ведется голосом.

Лишь когда нужно почему-либо спешно остановить разбежавшуюся нарту, каюр, сидя на ней верхом, закладывает остроконечные палки между копыльями и тормозит сани. В нарты с 160 килограммами (10 пудами) груза и каюром впрягается обыкновенно 13—15 собак; при меньшем количестве — соответственно меньше.

Нетерпеливо оглядываясь на каюра и тихонько повизгивая в ожидании знакомого — «тах, тах!», — собаки натягивают постромки и круто берут с места полным карьером, как только сигнал подан. Дух захватывает у непривычного пассажира от бешеного бега по ослепительной снежной равнине. Нарты, как птица, взлетают на каждом сугробе, ложатся боком на косогорах, готовые перевернуться каждую минуту; но каюр ловким движением просунутых между копыльями палок тут же, на бегу, выпрямляет крен; а пассажир, прислонившийся к задней, высокой спинке нарт и вытянувший ноги по лубочному днищу, крепко укутан оленьими шкурами и, при желании, увязан веревками, так что выпасть не может.

Вещи при таких поездках опытные люди упаковывают обыкновенно в длинные, метра в полтора, узкие чемоданы из мягкой кожи, которые кладутся прежде всего на дно нарты вместо постели; такой же мягкий чемодан, но только короткий, ставится в изголовье — и готов диван, на котором вы катите километров по 20 в час, полулежа, как турецкий паша какой-нибудь.

Часа через $1^1/_2$—2 собаки угомонятся и переходят на крупную рысь, на ходу хватая снег пересохшими глотками и двигаясь все же значительно быстрее обыкновенной лошади.

Так нарты бегут весь день до заката солнца, лишь один раз остановившись где-нибудь за высоким торосом для 10—15-минутной передышки.

Переход до Николаевска совершается в 3 дня. Остановки рассчитаны так, чтобы ночевать в гиляцких деревушках, где собак кормят юколой. Пить не дают вовсе; воду заменяет снег.

Главную пищу свою, рыбу, гиляк добывает при помощи таких снарядов.

Четыреугольная сеть («кэ») — небольшая и мало добычливая, вследствие отсутствия при ней мешка.

Рис. 14. *Гиляцкие рыболовы в виду поста Александровского (по фотогр. автора).*

Заездок («карган») с корзиной («гонтх»). Строится он из ивовых прутьев, в виде двух сходящихся одна к другой изгородей, ведущих прямо в открытую, конусообразную корзину. Гиляк, сидя в лодке, лопаточкой загоняет рыбу в корзину вдоль заездки. Ловят так по рекам красноперку (idus melanotus), вроде крупного окуня, килограмма на 2—3.

Подсак («пронк») — конусообразная сеть, прикрепленная к кольцу на длинной палке; величина петель около 2 сантиметров. Этим подсаком весной гиляки ловят с

лодки корюшку, огромными массами заполняющую устья рек.

Крючок («марик»); это — просто согнутый, с заостренным кольцом, железный прут в $^1/_2$ *см* толщины и 15—20 *см* длины, с ушком, прикрепленным к длинной жерди («цебль») при помощи небольшого ремешка («охрт»).

От берега строят плетеную изгородь, на 5—6 метров к середине реки, выбирая место, где течение побыстрее.

На конце этой загородки пристраивается гиляк с крючком в руках и, во время хода рыбы, вытаскивает их одну за другою, до 200 штук в день. Этим нехитрым снарядом ловится кета (salmo lagocephalus), вроде семги, горбуша (salmo proteus), вроде лосося, кунжа (salmo leucomaenis) — вид лососно-форельных и гой (крупная, очень жирная рыба, вроде сазана).

Уже к концу ноября запас вяленой и сушеной рыбы у гиляков подходит обыкновенно к концу, и декабрь с январем они большею частью голодают. Это самое тяжелое время. О каждом дне приходится заботиться отдельно; то куропатка попадется в силок, то заяц в петлю, а то и совсем ничего. Ловля соболя, которого на Сахалине очень много, отчасти выручала бедняг, спасая их от голодной смерти, но только «отчасти» — и вот почему.

Скупщики — из местных, а то и из николаевских, купцов — прекрасно учитывали момент и объезжали гиляцкие деревушки со своими запасами муки, спирта, красного товара, оружия и т. п. — именно в голодную пору. Тогда бедный дикарь сговорчивее, и меха шли за бесценок в обмен на муку и спирт.

Соболей ловят таким образом.

Расчищается от валежника быстрая, горная речка, не замерзающая иногда даже в декабре. Эту расчистку производят целой деревней на многие километры, причем каждому хозяину назначается определенный участок.

Через некоторые промежутки поперек речки кладут сучковатые валежины и в развилинах сучьев помещают волосяные петли. Каждая петля привязана к гибкой палке, настороженной таким образом, что соболь, переходя через речку по валежине сквозь петлю, обязательно задевает спуск, и согнутая палка, мгновенно выпрямившись, затягивает петлю; зверек оказывается ви-

Рис. 15. *Ловля «вахни» (наваги) зимою.*

сящим в воздухе. Когда речка замерзнет и завалит ее снегом, соболь все равно переходит на другой берег по предательским валежникам, избегая лишний раз нырять в глубоком снегу.

Но вот, в конце января и в феврале, в море начинает итти под льдом «вахня», особый вид наваги, по-гиляцки — «канга». Изголодавшиеся гиляки целыми деревнями переселяются из глубины лесов на берег моря

для ловли этой рыбы. Поселенцы тоже принимают в этом спорте деятельное участие.

Красивая, оригинальная картина.

Ослепительным блеском сверкает, искрится под лучами февральского солнца снежная равнина Татарского пролива. Местами, как хрустальные дворцы сказочного города, высятся торосá, — огромные, высотой в несколько

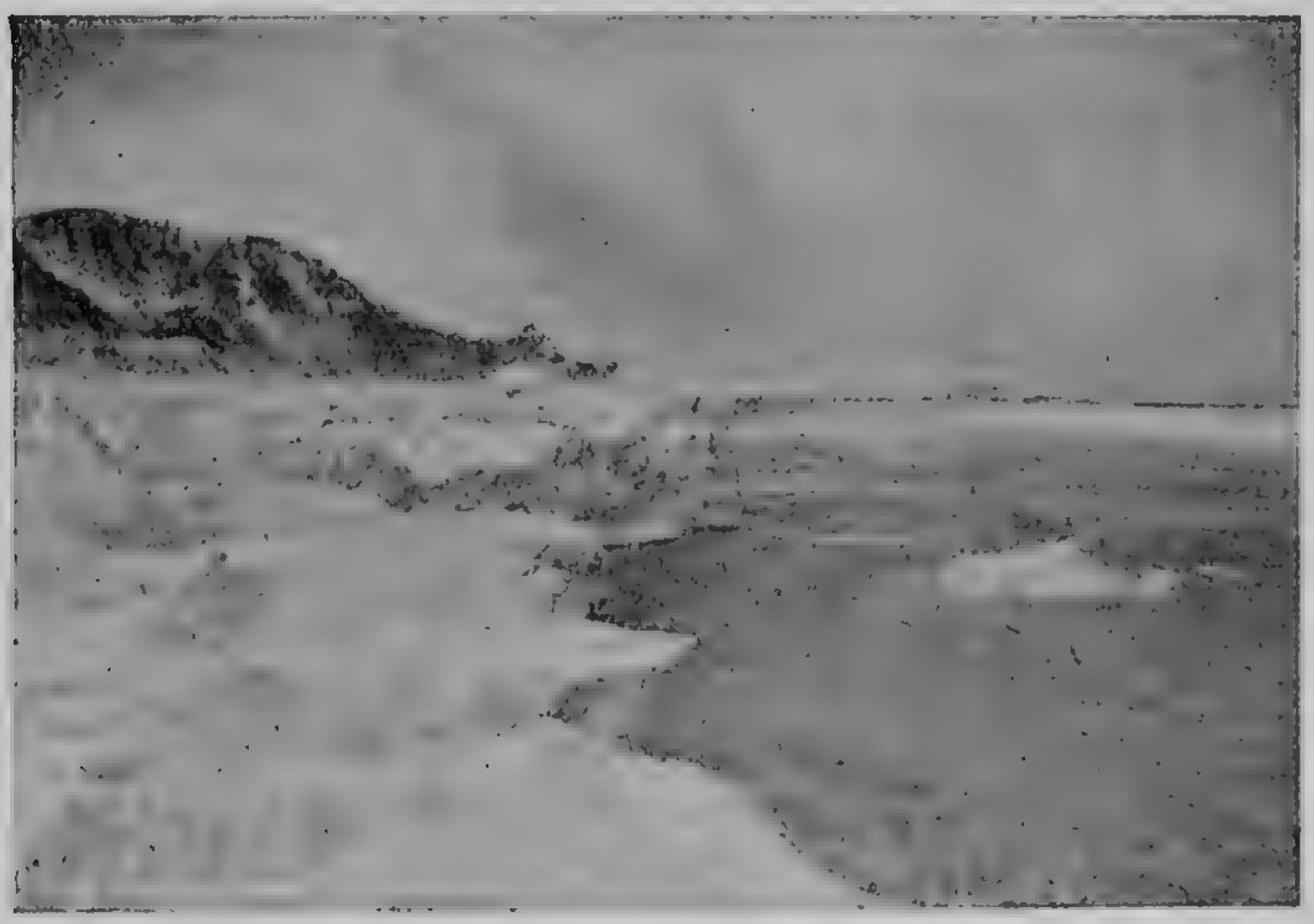

Рис. 16. *Тороса в Татарском проливе у мыса Жонкьер.*

метров, глыбы льда, группами вставшие под дружным напором ветра и моря. Радужными огнями горят эти многочисленные колоннады, образуя местами причудливые арки и пещеры, наполненные голубыми тенями. Среди этой дивной, сказочной обстановки суетятся черные силуэты закутанных в меха людей. Одни долбят лед ломами и пешнями, другие торопливо и забавно кланяются, стоя на одном месте с расставленными ногами.

Что они делают?

Они ловят «вахню».

Около каждого гиляка опрокинутая нарта с привязанными к ней собаками; тут же на льду и приспособления для варки пищи из этой рыбы. Снаряд для ловли прост до смешного.

Небольшой крючок из медной или железной проволоки длиною 10—12 *см*, на толстой нитке метра в полтора, привязан к короткой палке.

Рис. 17. *Гиляцкая лодка однодревка «му» (по фотогр. автора).*

Перед самой ловлей во льду на тонком месте, конечно, пробивается отверстие, над которым и становится ловец, расставив ноги. Опустив свою первобытную удочку под лед, он равномерно — то поднимает, то опускает ее и таким образом подцепляет идущую под льдом большими массами навагу.

Вот и все.

За день можно таким образом наловить штук триста, четыреста.

Проходит март; начинается таяние снегов и льда. Ловить вахню мокро, да и ход ее замирает.

Зато целыми стадами на плавающие льдины выползают нерпы (тюлени), по-гиляцки — «лянгр». На маленькой плоскодонке — «му» — дикарь медленно подкрадывается к такой льдине, таща за собою по воде длиннейшую острогу.

Вот удобное место для высадки; нагроможденные тороса образовали здесь естественное прикрытие. Тихо вытаскивает гиляк свою лодку на льдину; сделать это легко: недаром плоское днище так высоко приподнято в носовой части.

Присев на корточки за высоким торосом, дикарь бесшумно вытаскивает из воды свой гарпун. Железный наконечник этого оружия, с одной стороны, снабжен четырьмя зубцами, а с другой — полой трубкой; тут же приклепано ушко; к нему привязан длинный тонкий ремень из кожи сивуча. Гарпун насажен на трехгранный брусок, один конец которого приподнят, а к другому приделана длинная, метров в 7, лиственничная жердь; к ней другая, к той третья и так до 5—7 штук.

Шаг за шагом ползет этот гарпун к отдыхающей нерпе. Острие, насаженное на приподнятый кончик бруска, нисколько не задевает за неровности льда, взбираясь на них, как на лыжах. Постепенно разматывается и ремень, прикрепленный к передней части гарпуна.

Нерпа, если ее ничем не потревожить, часами лежит на одном месте, греясь в лучах весеннего солнца. Гиляк знает это и с неистощимым терпением продолжает свое дело.

Вот осталось не более одного метра.

Всем телом бросается охотник вперед, вытягивая руки и выбрасывая острогу насколько хватит силы. Как молния проносится зазубренное оружие, и нерпа

поймана. Бедняга бьется изо всех сил, кубарем катаясь по льду; наконечник давно уже слетел с бруска, и длинная жердь лежит в стороне. Гиляк, крепко упираясь в лед ногами, одетыми в сапоги из такой же нерпы, быстро перехватывает ремень обеими руками и, мгновенно добравшись до своей добычи, убивает ее ударом короткой дубинки по носу.

Мясо нерпы (отвратительное, по правде сказать) служит гилякам лакомой пищей; его также вялят впрок. Из кожи делают одежду: широкую рубашку — «лярх», короткую юбку — «коска» и сапоги до колен — «ки».

Таким же способом бьют и сивучей («тунг»); но охота на этих сравнительно редких и очень сильных зверей далеко не так проста и удачлива. За весь год целому селению не всегда удается убить 5—6 штук, тогда как нерп они свободно набивают по несколько десятков каждый.

Из кожи сивучей делаются ремни на упряжь, на увязку клади, на остроги и т. д.; ремни эти очень крепки и в воде не размокают.

Такой ремень вырезывается очень оригинальным способом. Его срезают тонкой тесьмой кругом, поперек тела животного, от передних ласт винтообразно к задним, так что получается ремень шириной в $^1/_2$ мизинца, а длиной в несколько сот мегров. Потом уже от него отрезают куски по мере надобности.

Веревки и нитки гиляки плетут из волокон растущей на Сахалине гигантской крапивы. Они очень крепки и тоже в воде не намокают. Качество, — над которым невольно задумываешься, глядя на дорогие манильские тросы.

Неприглядeн и некультурен бедный гиляк, а все же не мешало бы перенять от него такое удачное использование волокон крапивы.

А красотой гиляк действительно не блещет. Низкорослый и приземистый, с кривыми, тонкими ногами. На широком, плоском лице по-монгольски вкось прорезаны узкие щелочки глаз, цвет кожи немногим темнее цыган; борода и усы редкие и короткие. Голову гиляки бреют от лба до середины темени, откуда идут жесткие, черные волосы, собранные в одну толстую косу у мужчин и в две косы у женщин.

Неприглядна и хата его.

Спереди и сзади у нее во всю ширину расположены узкие коридорчики для складыванья разной сбруи, орудий и запасов. В центре среднего помещения под двускатной берестяной крышей, на щелистом полу стоит четыреугольный деревянный ящик с песком; это — очаг, по-гиляцки — «тур». Над ним, к связям крыши подвешен железный или чугунный котел на цепи. Вдоль стен — нары с ворохом оленьих, нерпичьих и медвежьих шкур. Под потолком целые гирлянды сушеной и вяленой юколы. Вот и все убранство.

Через дверь надо пробираться согнувшись в три погибели. Окон не полагается. Дым из очага уходит в бесчисленные щели и в отверстие, проделанное в крыше. Когда варка пищи закончена, его закрывают деревянным засовом.

Темно, дымно, нестерпимая вонь от тюленьего жира и порченной рыбы. Под полом воет десятка два, три собак, привязанных к сваям.

Но как живописен внешний вид этой юрты, приютившейся где-нибудь на берегу лесного ручья, под тенью вековой лиственницы, или раскидистой, темно-зеленой ели. И сам этот неуклюжий, плосколицый гиляк бывает положительно красив и уместен среди родной своей природы.

Помню, как-то зимой 1907 года пришлось мне ехать на почтовых из Хабаровска в Благовещенск (около

Рис. 18. *Юрта в гиляцком селении Арк-во (по фот. фон-Фрикена).*

1 000 километров). Мороз стоял отчаянный. Вывешенный мною из кибитки спиртовой термометр показывал 56° Цельсия, т. е. около 45° Реомюра. Пар от дыхания падал вниз мелкими снежными хлопьями, а низкорослые амурские лошаденки напоминали белых баранов; так закуржавела от инея их длинная, мохнатая шерсть. Лед на Амуре лопался с гулом пушечных выстрелов и трещины, змеясь, разбегались во все стороны.

Чтобы не объезжать длинной извилины, мы поднялись на лесную дорогу.

Сплошной стеной обступила тайга. Целый океан снега. Мириадами разноцветных огней искрится на солнце причудливый зимний убор лесных великанов. Лошади идут шагом. Кибитка ныряет в ухабах. В тайге теплее, чем в ледяных пустынях Амура, но все же дьявольски холодно.

Тишина мертвая.

Но вот шевельнулись нижние ветви двух соседних громадных елей, обвалилась с них белая снежная подушка и высунулась острая мордочка гиляцкой собаки; ушки торчат, как стальные.

Тотчас же, следом за нею в серебряной, искристой раме зубчатого ельника выросла темная фигура ее хозяина.

Вольно и твердо стоят на широких лыжах привыкшие ноги. Крупные складки меховой рубахи лоснятся и отливают инеем, как самый лучший соболь. Ворот расстегнут и голова без шапки; последняя болтается сзади на завязках. Лицо и шея — как из бронзы отлиты. В руке винтовка, а за спиной все же неизменный лук и колчан со стрелами. Широким жестом отодвинул он мешавшую ветку и замер, как изваяние. И не знаю, что для полной художественности картины более гармони-

ровало бы здесь, чем этот неуклюжий в другом месте гиляк [1].

Эта сторона жизни гиляков и соседнего с ними племени аинцев в общих чертах довольно сходна и вполне подходит под понятие родового патриархата. Семьи, в большинстве случаев, однобрачны, но, как остатки далекого прошлого, наблюдается иногда многоженство и, особенно у аинцев, многомужество. Брачный союз сопровождается

Рис. 19. *Гиляцкие дети около юрты.*

выкупом невесты за 10—15 соболей (столько же дают и за хороший винчестер).

Роженица уходит в пустую юрту, а не то так и прямо в лес, где соседка, а в трудных случаях, знахарка

[1] Желающих ближе ознакомиться с этим вымирающим племенем отсылаем к трудам Шренка, Полякова и, особенно, к очень обстоятельным исследованиям Л. Я. Штернберга, почти всю свою административную ссылку (10 лет) посвятившего изучению их быта и морально-правового кодекса.

ей помогают. Муж в это время должен лежать в своей юрте и ничего не делать, так как «часть его души переселяется в ребенка и нужно поэтому дать ей полный покой». Ребенка сразу после рождения моют холодной водой, а зимой обтирают снегом и дают имя — название первого предмета, который попадется на глаза отцу при выходе из юрты.

Рис. 20. *Гиляцкие могилы (тольф-туф).*

Умерших сжигают на костре, а пепел прячут в маленьких юрточках, — по-гиляцки «тольф-туф», невдалеке от деревни.

Богов — «кысх» — у обоих народов не очень много: бог солнца, гор, моря, тайги и т. д. Изображения их («инау») в виде столбиков и палок, украшенных стружками, стоят в почетном левом углу юрты или у дверей снаружи (иногда рядом с христианскими иконами). На таких же палках вывешиваются черепа собак, сивучей и нерп в виде жертвоприношений.

Для отогнания «злого духа», который в огромном большинстве случаев служит «причиной болезни», имеется шаман. Увешанный разным тряпьем, костями и хвостами животных, он бьет в бубен и вертится вокруг больного до изнеможения, впадая в транс и приводя в священный трепет окружающих. Лечатся также настоями разных трав и кореньев (в аинской фармакопее, напр., до 130 названий). Нервные болезни, истерию и др. туземные невропатологи лечат очень простым способом.

Тушат и очищают от угля очаг. Больного кладут возле него и с громкими криками начинают бить его до полусмерти (до крови во всяком случае). Затем зажигают на очаге новый огонь и дело в шляпе. Злой дух изгнан, и больной встает, как ни в чем не бывало.

Есть у обоих племен интересный обычай медвежьего праздника. Пойманного медвежонка кормят в особой клетке из бревен года $1^1/_2$—2 и затем убивают его с особыми церемониями. На праздник, происходящий в конце декабря, собираются все соседние деревни, не имеющие готового медведя. Одетые по-праздничному люди составляют большой круг около бедного мишки, привязанного на длинных веревках к двум столбам, врытым на поляне. Впереди всех помещаются старейшины. Старший «нарх» [1]) подходит к медведю, говорит приветственные слова обитающему в нем «великому духу тайги», а затем с расстояния 3—5 шагов пускает в него стрелу из лука. Пробитый почти навылет меткой тяжелой стрелой, зверь скоро издыхает. Тогда старейший в роде оделяет медвежьей кровью и кусочками сердца присутствующих охотников. Те вполне счастливы, уверенные, что таким образом в них переселились все качества медведя, т. е. его сила, смелость и выносливость.

---

[1]) Нарх—род, в который отдают дочерей замуж.

Кто у кого перенял эти обычаи и суеверия — аинцы у гиляков, или наоборот — в точности установить трудно.

Возможно, что и те и другие заимствовали их у первобытных обитателей Сахалина — тончей.

Несмотря на эту общность некоторых обычаев и верований с гиляками, — аинцы в племенном отношении представляют собою нечто совершенно обособленное, не похожее не только на гиляков, но даже на ближайших

Рис. 21. *Медвежий праздник у аинцев (по фотогр. автора).*

к югу соседей — японцев, да и вообще на монголов. По словам д-ра Н. В. Кириллова, основанным на изучении обстоятельных трудов Батчелари, Чамберлена, Милона, Май-ричи, ректора Токийского университета Ко-чан-си и др., — аинцев можно отнести к полинезийским племенам, которые двигались с юга на север в доисторические времена, когда на месте теперешних островов Великого океана, включая Японские и Сахалин, — существовал обширный материк — «Лемурия».

Так или иначе, но с полинезийцами у аинцев действительно гораздо больше общего, чем с монголами.

Черты лица у них красивы, глаза прорезаны прямо, волос такое изобилие, что не редкость, особенно у мужчин, встретить все тело, покрытое волосами. Борода и волосы на голове — волнисто-вьющиеся, но не шерстовидные, как у негров. Сохранился обычай (у женщин) татуировки, хотя самой легкой, а именно на верхней губе. Характер резьбы на посуде и оружии — совершенно полинезийский. Рост, в среднем, выше, чем у гиляков.

Рис. 22. *Аинец (по фот. автора 1898 г.).*

Если бы не общая загрубелость, то многими из аинцев можно было бы прямо залюбоваться: статная фигура, львиная грива темных волос на голове, густые брови над прямым носом и роскошная, вьющаяся борода.

К приходу русских на Сахалин аинцы, или, как они себя называют, «айно» (что значит — человек) уже настолько привыкли к материальной зависимости от предприимчивых и энергичных японцев, что, например, на летний сезон совершенно бросали свое хозяйство и работали у приезжих японских рыбопромышленников.

Несмотря на инертность русских и неуменье их энергично использовать дары окружающей природы, аинцы боялись их больше, чем японцев, и в 1875 году, когда Сахалин перешел от Японии к России, тысячи аинцев предпочли переселиться на соседний Матсмай, чтобы только не сталкиваться с неведомыми русскими порядками.

Всего аинцев осталось на Сахалине около 1 300, из них около 1.200 в японской части острова. Все они жили в 186 юртах, т. е. в среднем по 7 человек на юрту. Эпидемии оспы унесли больше сотни их в 1894 году на западном берегу и столько же в 1897 г. — на восточном.

Под двойным влиянием японцев и русских обычаи патриархата начинают уже стираться у аинцев, и вступающая в брак пара сплошь и рядом строит свою собственную юрту, как только летние заработки в японских рыбалках дадут ей на это возможность. Но все же не редкость встретить в одной юрте две-три семьи одного «рода», человек в 20—25.

Как и гиляки, аинцы зимой строят свои юрты в тайге, а к весне переселяются поближе к морскому берегу, в устья рыбных рек.

Зимняя юрта строится таким образом.

Вырывается четыреугольная яма, около 1 метра глубиною; над нею воздвигают на 8—12 столбах сарай с двускатной крышей. Стены и потолок покрывают снаружи снопами тростника или какой-нибудь грубой травы. Изнутри стены завешивают толстыми цыновками, часто с красивым цветным узором. Окно проделывают в крыше. Вместо примитивного очага в одном из углов такой землянки помещается глинобитная печка с котлом и с деревянной дымовой трубой, обмазанной изнутри глиной. По стенам широкие нары для спанья и еды. Входом служит отверстие в крыше; через него по бревну с за-

рубками спускаются сначала в холодный коридор, а из него в юрту.

Снаружи к такому входу тоже приставлено бревно с зарубками в виде лестницы.

Зимою в таких палатах тепло, но сыро и душно.

Для летней юрты делают четыреугольный сруб, от 4 до 8 метров по каждой стороне, из грубо-притесанных бревен, без фундамента. Пол из таких же грубых плах настилается прямо на землю; потолка нет. Крыша двускатная из коры с отверстием посредине для выхода дыма.

В центре — очаг, как и у гиляков, но огороженный четырьмя столбами по углам, доходящими до крыши. Обыкновенно эти колонки покрываются затейливой резьбою, удивительно напоминающей полинезийскую. По стенам — нары, где люди спят головой к стене, а ногами к очагу. У стенки против входа, в японских лакированных ящиках, хранятся меха и одежды; в левом углу «инау» — ритуальные орудия, украшенные стружками. В восточной стене проделывается небольшое окно. Дверь низкая, задвижная, наподобие японских. Так как юрта не на сваях, а прямо на земле, то разные случайные отбросы загрязняют почву под полом, а воздух в юрте очень тяжелый, тем более, что над очагом постоянно коптится юкола. Тут же сушатся кожи нерп и сивучей, ночуют любимые собаки, чистят рыбу и т. д. Все это вместе взятое доводит атмосферу в юрте до такого состояния, что, как говорят, — «хоть топор вешай», — и очень мало гармонирует с лакированными ящиками и красивыми, узорчатыми цыновками.

Упряжных собак аинцы держат не так много, как гиляки, но штук шесть-семь есть обязательно у каждого хозяина.

Кроме утвари, вековое влияние японцев сказалось, конечно, и в одежде. Из своей крапивной ткани аинцы

шьют длинные рубахи (с узорными подолами у женщин) и халаты по образцу японских. Кроме того, покупают у японцев бумажные материи, большею частью синего цвета, и готовые халаты. На зиму делают шубы из собачьего меха, шерстью вверх. Головы летом не покрывают, а лишь делают из ремешка повязку, чтобы длинные волосы не мешали работе. Зимние шапки, конечно, меховые, по образцу русских или гиляцких — с наушниками. Мужчины сбривают волосы от лба, но на висках, темени и затылке оставляют их расти длинными прядями до плеч.

Женщины, с наступлением половой зрелости (лет 13—14) татуируют верхнюю губу синей краской.

Главный предмет пищи, как и у гиляков, рыба. Орудия ловли — те же, с прибавлением перенятого у японцев невода.

Кроме рыбы, аинцы запасают на зиму много дикого чесноку (черемша) и дикой картошки (саранка — сем. орхидных). Вымачивают и сушат над огнем разные корки, и толкут затем в муку, из которой выкатывают бублики, или, прибавляя нерпичьего жиру, делают сухари.

Собирают ягоды и едят их с рыбьей икрой, а клюкву с белой глиной, которую считают (кажется не без основания) съедобной. Конечно, не отказываются и от русского хлеба, но делать его не умеют и не желают учиться.

Мой товарищ по ссылке, первомартовец (1887 г.) Бронислав Иосифович Пилсудский, проживший много лет среди аинцев (уже после ссылки) для изучения их быта и языка, долго бился, чтобы научить их сеять хлеб и сажать картофель. С хлебом ничего не выходило.

Слишком это тяжелая и требующая постоянного внимания работа для непоседливого дикаря. Картошку во многих селениях посадили под его личным наблюдением.

Осенью собрали, но сколько он ни упрашивал оставить часть на семена, съели без него всю. Да и сбор был неважный; из любопытства аинцы часто смотрели — что поделывают клубни под землей, и много посадки перепортили.

Вообще дело с «культурой» у них подвигалось туго. При своем «отце», как они звали Брониславa (ему было лет 40), они, напр., старательно мыли лицо и руки привезенным для этого мылом; но стоило ему уехать в другое селение, как они съедали все мыло и делу конец.

Из риса, купленного у японцев, аинцы гонят водку, очень густую и вонючую. Для этой цели в каждой, маломальски зажиточной юрте, имеется перегонный аппарат, занимающий почетное место около «инау». Единственная машина, заимствованная диким человеком от культурного его брата.

Посуда берестяная, или деревянная с затейливой резьбой, но вместо тарелок служат крупные плоские раковины.

Запасы тюленьего жира хранятся, как и у гиляков, в пузырях, высушенных желудках нерп или сивучей; в желудке взрослого сивуча вмещается до 8 ведер жидкости.

В богатых юртах уже не довольствуются посудой собственного изделия, а заводят низкие японские столики, чашки и стаканы.

Табак курят манчжурский, который крепче и дешевле японского. Курят поголовно все (из японских маленьких трубок на длинных мундштуках): и мужчины, и женщины; и дети, едва начавшие ходить самостоятельно.

Женщина у аинцев, как и у гиляков, имеет подчиненное значение, но далеко не раба. Мужья очень заботятся о своих «мамках», как они называют жен, и, бывая в городе или в гостях у русских, всегда выпрашивают для «мамки» какой-нибудь подарок.

Женщины топят очаг, варят пищу, кормят собак, а в свободную минуту собирают в лесу корни, треплют и ткут крапивные волокна, плетут цыновки, выделывают шкуры, шьют одежду, обувь и, конечно, смотрят за детьми. Мужчины только ловят рыбу и охотятся или (аинцы) работают на японских рыбалках.

В общем жизнь женщины мало чем отличается от жизни обыкновенной русской крестьянки. Разница лишь в том, что ни гиляк, ни аинец не бьет своей жены; это — дело у них совершенно неслыханное.

Несмотря на полувековое сближение с русскими поселенцами, людьми довольно свободно относившимися к общепринятой морали, аинцы, и особенно гиляки, поражают своей прямо трогательной честностью.

Приходит ко мне однажды знакомый гиляк, старик, и, выпив огромный чайник чаю с двумя, тремя фунтами хлеба, просит дать ему в долг 3 рубля с обещанием возвратить их к зиме.

— Писки (росписки) не надо, — шамкал старик, улыбаясь, и, гордо показывая на свою коричневую грудь, добавил: — тут сердце крепкое, не надо писки. — Прбшла весна, лето; завыли опять зимние бураны; я забыл о долге.

Как-то под вечер вваливается ко мне совершенно незнакомый молодой гиляк и, после недолгих расспросов — кто я и знал ли такого-то старика, — протягивает 3 рубля.

Я в недоумении.

Оказывается, старик осенью схватил воспаление легких и умер, завещая сыну выплатить все долги, что тот и выполнял постепенно.

Семья эта жила за 37 километров от поста Александровского.

Случаи, подобные описанному, далеко не единичны.

Кроме гиляков и аинцев, этих, можно сказать, коренных обитателей Сахалина, по тундрам рек Поронай и Тыми бродят оленеводы — тунгусы; человек 80—90 в Александровском округе, человек 50—60 в Тымовском и столько же в японской части острова. Да в таежных дебрях центральной полосы острова ютятся звероловы и следопыты орочоны — человек 400 в Тымовском и человек 200—250 в Корсаковском округах. Но племена эти настолько общеизвестны, что много распространяться о них я не буду. Отмечу лишь в связи с ними одну этнографическую подробность.

Рис. 23. *Тунгусы на о. Сахалине на льду Татарского пролива (по фотогр. автора).*

На южном Сахалине, недалеко от устья реки Поронай, имелось в 90-х годах селение «Сочигары», интересное по своему интернациональному характеру. Жители его все сплошь занимались рыболовством на артельных началах и состояли из аинцев, гиляков и орочон, сохранивших племенные особенности в жилищах и одеждах, но

Рис. 24. *Орочоны о. Сахалина.*

дружно ведущих общее дело борьбы с природой за существование.

Точно этнографическая выставка какая-то.

Вот картинно рисуется на фоне нависших туч гиляцкая юрта, как бы парящая на своих сваях над высокой, по пояс, голубовато-зеленой приморской травой. Невдалеке, шагах в семидесяти, под сенью искривленной от вечного ветра лиственницы, приютился остроконечный

Рис. 25. *Орочонская юрта (по фотогр. автора).*

шалаш орочон, покрытый кожами, напоминающий индейский вигвам. Немного далее — группа аинских юрт-сараев с крышами — копной из почерневшего от времени камыша. Вдали опять реют в воздухе гиляцкие юрты и торчат кое-где из травы скрещенные жерди конусообразных верхушек орочонских построек. Женщины бегают по тропинкам с берестяными ведрами воды, или чистят рыбу на пороге своих жилищ, покуривая длинные трубки в промежутках между работой и оживленно сплетни-

чая; а ребятишки всех национальностей вповалку с собаками возятся и кувыркаются на пляже. А пляж там какой!

Почти на 300 километров с перерывами, вдоль всего залива Терпения да и по западному побережью тоже, тянется широкая, метров в 40—60 полоса песку, плотно утрамбованного морем, мелкого, как столовая соль, и плотного, как асфальт. Колеса экипажей совершенно не оставляют следа на этой, точно резиновой, массе, а подковы лошадей обозначаются едва заметными, сейчас же заплывающими впадинами. Во время прилива полоса эта сокращается на $^2/_3$, но через 6 часов — опять расстилается тот же идеальный, сверкающий пляж.

Вдали, на длинных волнах сердитого, холодного мэря виден полукруг легких лодок с высокоподнятым носом. Мужское население дружно ведет невод, настоящий большой невод, один на всю деревню. Добыча делится сообразно трудам и полезности каждого участника ловли. Ни крупных ссор, ни каких-либо недоразумений у них я не слышал. Совет старейшин направляет и контролирует общую жизнь и работу. Преобладающий язык — аинский, как более богатый.

Привычный патриархат, естественным путем отлившийся в форму такого же патриархального совета. От каждой юрты есть там свой представитель, и народы спокойны за свои интересы.

Советизация Сахалина резко повлияла на быт туземного населения, особенно гиляков. Советизация быстро охватила туземцев. Все туземцы работают теперь артелью. Опыт 1925 года, когда ловля сивучей и нерп артельно дала на каждого члена артели более 500 руб. в сезон, послужил лучшим примером для дальнейшей

работы артелями. Помощь путем кооперации, которая снабдила туземцев неводами, ружьями и припасами, создала лучший авторитет для советской власти на Сахалине. Туземцы имеют теперь около десятка школ, около 300 туземных хозяйств переведено на оседлый образ жизни.

РЫБА И МОРСКИЕ ПРОДУКТЫ

Разумеется, рыболовством на Сахалине занимались не одни туземцы, а и «культурное» население, но далеко не в таких размерах, какие допускало бы рыбное богатство острова.

Кроме немногочисленных обитателей прибрежных поселений, видевших в рыболовстве лишь подсобную статью в домашнем хозяйстве, на острове насчитывалось всего около десятка мелких рыбопромышленников (русских). При этом, самые богатые рыбой заливы, Анивский и Терпения, на южном Сахалине заняты были исключительно японскими рыбалками.

После Портсмутского договора все эти исключительно богатые рыбой местности достались японцам. Во что обратились теперь эти заливы, как сумели японцы поставить дело эксплоатации этих богатств — сказать трудно. Нет под рукою даже приблизительных цифр. Надо полагать, однако, что работа у них там кипит, так как даже во время всяческих стеснений и вымогательств со стороны царского русского правительства японские рыболовы умели держаться в заливе Терпения в количестве 30—40 тысяч человек. К тому же рыбный промысел настолько же свойственен японцу, насколько хлебопашество — нашему русскому крестьянину. И думается мне, что я не ошибусь, если скажу, что эксплоатация рыбных богатств ведется у них теперь на южном Сахалине более рационально, чем раньше, не так хищнически; примером тому может служить рыборазводный завод, который они поставили на реке Тыми за время оккупации Северного Сахалина.

Не то было во времена 90-х годов, до войны с Японией.

По недостатку ли денежных средств, по неуменью широко развернуть дело и заинтересовать крупный рынок, или благодаря бессмысленному гнету и живодерству царского правительства, — все эти промышленники, вместе взятые, не обрабатывали и одной тысячной доли того, что мог дать Сахалин во время х о д а р ы б ы. А ведь

Рис. 26. *Рыборазводный садок, устроенный японцами в сел. Воскресенском во время оккупации.*

там явление это достигает таких гомерических, стихийных размеров, что просто, бывало, глазам своим не веришь.

Как сейчас помню, стоял знойный томительный полдень, — такой редкий на Сахалине даже в июле, — когда я перевалил через горный хребет. Весь исцарапанный во время шествия по вершинам кедрового «стланца» и среди бамбуковых зарослей, весь в поту и с порванной одеждой, спускался я в глубокую падь — там должна быть вода!

Расчеты мои оказались верными. Вот уже сверкает сквозь береговые кусты соблазнительная лента довольно широкой реки...

Но... что это?

Какой-то шелест и слабая трескотня доносятся оттуда. Чем ниже спускаюсь, тем слышнее; как будто град или крупный дождь сечет по листьям.

Но нет. Небо чисто, как эмалевый голубой купол, и ни одна веточка не шелохнется в воздухе.

Вот река.

Смотрю и глазам не верю. На всем пространстве, насколько глаз охватывает, до самых дальних изгибов течения, вода кипит, как в котле, и какие-то поленья лезут на берег, загромождая реку плотно-спертой массой.

Подхожу еще ближе...—Батюшки, да это все—рыба!

Так впервые познакомился я с ходом кеты, которая громадными массами идет летом вдоль сахалинских берегов и совершенно заполняет реки, добираясь до самых мелких мест; так она мечет икру и, обессиленная, избитая о камни, уносится обратно в море.

Грандиозный масштаб этого явления действительно может привести в изумление.

Огромные рыбины, по 4—5 *кг*, медленно шли плотной массой, одна к другой, загромождая всю реку, и на поворотах, или в узких местах, буквально тысячами выпирая друг друга на отмели. Казалось, что по этому движущемуся мосту можно перебежать на другую сторону.

И подумайте — все это «серебрянка», т. е. лучший сорт кеты, которая идет обыкновенно в июне (летний ход). Осенняя (с конца августа до середины сентября) много хуже, хотя и больше размерами.

Серебрянка нежностью своего розового мяса и голубовато-серебряной чешуей почти не отличается от своей ближайшей родственницы — семги. В соленом виде эта

рыба и всегда-то продавалась на сахалинских базарах не дороже 4 копеек за фунт, а во время хода — за эту цену, и даже дешевле, можно было купить целую десятифунтовую рыбину. Ценился только провоз до базара и, конечно, соль.

Горбуша идет такими же массами и способ засола ее одинаков с кетой.

Собственно говоря, как японцы, так и подражавшие им русские промышленники, солить рыбу совсем не умеют так, чтобы она была сочная и вкусная. Да и соль они употребляли собственной выделки, добытую из морской воды. В Японии соль эта колеблется в цене от 20—40 коп. за пуд, горьковата и с неприятным запахом.

Японский засол производится так.

На берегу моря делают помост из досок, на который вываливают рыбу из невода. Тут из нее вынимают жабры и внутренности. Затем набивают внутрь соли, щедро обсыпают солью снаружи и укладывают в сарай на рогожи, постланные прямо на землю. Кладут при этом рыбу боком во много ярусов, высотою в рост человека и метра 2—3 в квадрате. Вокруг каждого яруса вырыты канавки, по которым стекает сок. Ясно, что спрессованная таким образом рыба, особенно из нижних ярусов, выходит сухая, тонкая и страшно соленая.

При таком способе сухого засола — соли идет 1 кило на 3 кило рыбы.

Русские промышленники для японских рынков тоже приготовляли сухой засол, переводя и портя хорошую рыбу, да и для своих, по русскому способу, приготовлять как следует не умели; вечно у них рыба получалась с душком, особенно около кости.

Соль для русского засола (т. е. в бочках) употреблялась привозная, большей частью из Америки, или из Порт-Саида от 1 до $1^1/_2$ рублей за пуд.

Цена соленой кеты и горбуши на японском рынке в среднем колебалась от 90 коп. до 1 руб. за пуд.

Такими же, даже еще более грандиозными, массами идет селедка. Но она не заходит в реки, и только в море видна бывает широкая, молочно-белая полоса, сопровождаемая миллионами чаек и бакланов и уходящая в бесконечную даль.

Зато, если во время такого хода налетит шторм, то на другой день по всему побережью иногда на целые километры можно видеть беспрерывный вал выброшенной морем сельди. На километр нельзя подойти тогда к берегу от запаха гниющих масс рыбы, пока не растаскают ее гиляки, медведи, да не унесет понемногу отливом назад в море.

Я сам видел такой вал мертвой сельди; он достигал 3 метров ширины, возвышался посредине почти до колена и тянулся вдоль километров на пять.

Сколько тут бочек этой дорогой и вкусной рыбы?! А ведь в столицах в былые времена продавали ее по гривеннику штука. Миллиарды этих гривенников за один мах выбрасывались морем и пропадали бесследно.

Японцы, а за ними и наши рыбопромышленники, не умея готовить селедку впрок, находили ей, да и красной рыбе тоже, иное применение.

В огромных котлах, до 40 ведер вместимостью, они варили рыбу, пока она превращалась в кашу. Хорошенько отжав под прессом, эту массу просушивали тут же на берегу, прямо на рогожах, для чего довольно двух-трех солнечных дней, и запаковывали в мешки из японской рогожи.

Продукт этот называется туком и в большом количестве идет в Японию для удобрения полей.

Операция, как видите, незамысловатая; соли и других каких-либо расходов не требует; ценность тука на

японских рынках в среднем была по 1 руб. за пуд, т. е. одинаковая с рыбой сухого засола — и сбыт обеспечен. Немудрено, что большинство рыбопромышленников специализировалось именно на этом варварском употреблении дорогой красной рыбы и сельди. Например, в 90-х годах и дальше, до самой японской войны, — в заливе Терпения, на побережьи, длиной почти в 300 *км*, работало,

Рис. 27. *Варка тука (удобрительный порошок) японцами из кеты во время оккупации.*

как я уже говорил, не менее 200 японских рыбалок с 40 000 населения, из которых огромное большинство занималось добычей тука. Между ними были и крупные фирмы с широко поставленным делом, т. е. с большим количеством хорошо оборудованных рыбалок, шкун, неводов на Сахалине и складов в Японии.

Сахалинская сельдь — двух сортов.

Весной, с половины апреля до конца мая, с двумя перерывами (т. е. 3 раза) идет, главным образом, у берегов южного Сахалина, селедка, напоминающая по форме астраханскую; такая же широкая и плосковатая, только поменьше.

При этом, сначала идет рыба покрупнее, а следующие ходы — помельче.

Сельдь летнего хода, в июле добирается (не всегда) и до северного Сахалина. Это уже совсем особая порода; маленькая, не свыше 7—8 *см*, кругловатая рыбка, которая содержит в себе очень много жира и своим нежным, маслянистым мясом и общим видом напоминает королевскую сельдь, превосходя вкусом не только астраханскую, но даже и керченскую. И вот из такой-то прелести варили удобрительный тук, не умея с ней иначе обращаться и не желая научиться этому.

Чтобы покончить с селедкой, добавлю еще, что во время летнего, июльского ее хода, среди нее много попадается сардинки; между прочим, ее пробовали консервировать общеизвестным способом в масле и выходило недурно.

Кроме кеты, горбуши, сельди и сардинки, в морях, омывающих Сахалин, водится бесчисленное количество других рыбных пород, из которых следует упомянуть «калугу».

Это — огромная рыбина, достигающая нескольких сот килограмм веса; по строению тела она похожа на белугу. Мясо ее жестковато, но вкусно, слегка напоминает свинину и отличается необычайной жизнеспособностью, если можно так выразиться: через несколько часов после того, как рыба поймана и разрублена на куски для продажи, куски эти вздрагивают и сокращаются, когда нажимаешь их рукою.

Затем упомянем палтус, или «балтус», как его называют на Сахалине; рыба по виду похожа на камбалу,

только очень больших размеров, до 15 и более килограмм весом.

Частенько по улицам поста Александровского можно было наблюдать интересную картину, как двое рыбаков несли на базар такого «балтуса», продев палку сквозь жабры и положив ее на плечи; хвост рыбины тащился при этом по земле, и все тело ее, широкое и нескладное, напоминало двустороннее одеяло, вывешенное для просушки.

Эти крупные рыбы ловятся только в одиночку, далеко от берега.

Там же попадаются иногда чудовищные крабы, до 15 и более килограмм весом. Один такой краб куплен был для музея; круглый щит его имел около метра в поперечнике, а клешни были размерами с крупную мужскую руку.

Мясо вареного краба сочно и нежно.

По берегам Татарского пролива, особенно у мысов, далеко уходящих в море, имеются устричные отмели. Сахалинская устрица не крупнее черноморской, но на мой вкус, по крайней мере, жирнее и нежнее.

Шримсы, или как их там называют, — «чилимчики»,— род креветок, ясными осенними днями усеивают все скалы, привлекая тучи всевозможных морских птиц и дополняя оживленную картину морской жизни Сахалинского побережья.

В больших реках Сахалина, кроме обычных пород, как щука, окуни и т. д., водится также в изобилии разновидность форели — «кунжа», с белым сочным мясом, килограмма на 2—3, и крупная бревнообразная рыба, — «гой» — по-местному; вся спина и бока этой рыбы покрыты толстым слоем жира, почти на 2 *см*, и чтобы ее жарить — не надо никакого масла: полная сковорода натопится с самой рыбы.

Кунжу, гоя, а также горбушу, нежное желто-розовое мясо которой вкусом положительно превосходит лососину, вовсе не следует портить засолом, да еще таким варварским, какой применяли японцы и подражавшие им наши промышленники. В копченом и маринованном виде эти рыбы быстро завоевали бы себе почетное место на мировом рынке, не говоря уже об экспорте замороженных партий в особых вагонах, или кораблях с холодильниками.

Есть еще сорта морского промысла, который на Сахалине можно было бы развить в довольно крупном масштабе. Это — добыча морской капусты и отчасти трепангов. Сейчас этой возможности у нас уже нет, так как выше 50-й параллели нет ни того ни другого в таких, по крайней мере, размерах, как в японской части острова. Но рассказывая о естественных богатствах Сахалина, нельзя обойти молчанием этих его продуктов, столь ценных для восточных рынков.

Морская капуста представляет собою толстую и сочную лентообразную водоросль, шириной в 2—3 пальца, а длиною иногда в десятки метров. В соленом и маринованном виде она широко распространена в Японии и Китае, как лакомое блюдо. По богатству содержащегося в этом продукте белка и особенно фосфора, а также по вкусовым качествам, к которым, впрочем, надо привыкнуть, он заслуживает самого серьезного внимания и несомненно может быть отнесен к одному из наиболее драгоценных даров моря. Ведь в наш век усиленной мозговой работы подобный продукт, как особенно богатый фосфором, положительно заслуживал бы самого широкого распространения.

Трепанг, иначе — голотурия, нечто вроде толстого и короткого, кольчатого морского червя, — специально китайское и японское блюдо, на распространение его

в Европе рассчитывать трудно. Но сбыт их на Востоке во всяком случае обеспечен.

Как же шла в прежнее время добыча всех этих неисчислимых сокровищ, накопляемых морем у берегов каторжного острова?

А вот несколько цифр, которые дадут, хотя и неполное, конечно, но все же некоторое представление, о промысловом убожестве наших старорежимных капиталистов и о полной бесхозяйственности всего тогдашнего государственного аппарата.

В 1897 году, т. е. спустя 20 лет после занятия Сахалина, рыба ловилась и приготовлялись из нее продукты совокупными силами японских и русских промышленников, а также тюремного ведомства. За целый 1897 год было заготовлено немногим больше 10 000 тонн (около 700 000 пудов) морских продуктов, а за следующий год 16 000 тонн (около 960 000 пудов), т. е. несомненно меньше, чем выбрасывает ее на берег во время хода одним хорошим штормом. При этом $^3/_4$ всего добытого количества рыбы падало на долю японских промышленников, а приблизительно $^1/_{100}$ на долю... тюремного ведомства.

В соответствующей официальной ведомости ее упомянуто, сколько японцы делали из пойманной ими рыбы тука и сколько засола. Но из того обстоятельства, что и тук и сухой засол на японском рынке ценился одинаково (около 1 руб. в среднем за 1 пуд), а также из большей дешевизны приготовления тука и, наконец, из моих личных наблюдений, не будет большой ошибкой сделать вывод, что $^9/_{10}$ улова обращалось промышленниками именно в удобрительный тук. И это из семги, лосося и сельди, равной по вкусу так называемый королевской!

Общее заключение таково: даже и та мизерная эксплоатация рыбных бо́гатств Сахалина, которая производилась там спустя 20 лет после занятия острова «культурными»

нациями, никак не может быть названа промышленной и не заслуживает иного названия, как х и щ н и ч е с т в о, да еще в мелком масштабе. Между тем наличность этих рыбных богатств такова, что при полном размахе эксплоатации, научно обставленной в смысле бережливого отношения к естественному их росту, можно Сахалин сделать таким же мощным центром рыбно-консервного производства, каким для мясного, например, служат Аргентина или Австралия.

УГОЛЬ

Несмотря на всю грандиозность рыбных богатств Сахалина, главной промышленной ценностью его является, однако, не рыба, а уголь и нефть.

Уголь, собственно говоря, имеется по всему острову. Почти все хребты его переполнены этим «черным золотом». В одних местах угольные пласты залегли у самой поверхности земли, в других — ушли в глубину, но уголь есть положительно везде — «где ни копни» — и уголь преимущественно жирных пород, с маслянисто-металлическим отблеском в изломе, с богатейшим содержанием углерода и с небольшим процентом серы.

Местами есть и антрацит, тяжелый, как золото, содержащий свыше 90% углерода, с изломом стеклянного блеска.

Возьмешь, бывало, работая в забое, хороший кусок такого угля — и сразу как-то невольно чувствуешь, что в руках у тебя «вещ» и вещь дорогая; весь он какой-то гладкий, тяжелый, компактный; и руки не пачкает... И вот за полстолетия, что Россия владела Сахалином, этой сплошной каменноугольной копью, царское правительство почти ничего не сделало в смысле разработки и правильного распределения этого колоссального богатства.

Причина простая.

Мы уже говорили, что у царского тюремного управления был «пунктик», или как говорят — «конек», с которого целые десятки лет оно не хотело слезать; это — создание на Сахалине земледельческих колоний из ссыльных.

Эта, не очень гениальная, система достигла лишь того, что ежегодно ухлопывалось несколько миллионов народных денег на содержание острова, который в более практических руках сам дал бы миллиарды рублей в казну, заработки сотням тысяч людей, — и способствовал бы созданию на Дальнем Востоке ряда грандиозных промышленных центров.

Это не пустая, звонкая фраза.

Из дальнейшего описания Сахалинской сокровищницы будет видно, что тут нет ни одного слова преувеличения.

К началу 900-х годов на Сахалине было известно 35 каменноугольных месторождений. Предполагаемый ниже перечень их не только необходим во избежание упреков в голословности, но и может оказаться полезным, как справка для тех, кто пожелал бы на месте ознакомиться с каменноугольным богатством острова.

Перечень идет с самой северо-западной оконечности острова вдоль побережья.

На территории СССР:

1 — между мысами Елизаветы и Марии.

2 — между селениями Пиль-во и Тамла-во.

3 — у мыса Головачева.

4 — у мыса Уанды.

5 — в долине реки Хоэ, начиная с ее устья у Татарского пролива.

6 — у мыса Танги.

7 — около селения Мгачи.

8, 9, 10, 11 и 12 — в долинах речек: Чурукум-най, Мангадай, Ноями, Арк-во и Малой Александровки.

13 — в окрестностях поста Дуэ.

14 — у мыса Моисэ («Моисеев» мыс).

Все эти месторождения можно разрабатывать штольнями прямо с морского берега, тут же сортировать уголь и грузить на суда без длинных и дорогих подъездных путей.

Кроме того, на территории СССР зарегистрированы 4 пункта внутри острова, а именно:

15 — при впадении реки Пурми в Тымь и по левому берегу Тыми.

16 — в истоках реки Кумму-най.

17 — на реке Поронай у селения Мыге.

18 — в вершине реки Ай.

Остальные 17 месторождений находятся на территории Японии: 13 на побережьи и 4 внутри.

Беглость произведенных исследований, при значительном размере поверхности Сахалина, несомненно позволила выявить только самую незначительную часть угольных пластов, таящихся в недрах острова. Но и те, которые стали известны, дают основание думать, что он почти на всем протяжении заключает в себе пласты каменного угля.

Выходы угольных пластов внутри острова и по долинам рек, в большинстве случаев, расположены на полугоре, или в подошве хребтов, а на морском побережьи ясно видны в толще прибрежных скал и осыпей, приходи и бери, что называется, голыми руками.

Вопрос о креплении штолен тоже разрешается вполне благополучно, так как все перечисленные местности покрыты лесом, пригодным для этой цели. Одним словом, все сложилось именно таким образом, что кажется слепой разобрал бы, что сама природа как бы предназначила Сахалину стать большой каменноугольной станцией, но... конечно — в хороших, хозяйственных руках.

А между тем сахалинский уголь еще очень мало исследован, не только в смысле химического его ана-

лиза, но и относительно способности его спекаться и коксоваться.

Известно лишь одно, что залегает он большей частью в пластах третичной системы (но и это вопрос спорный). Только пласт, лежащий около Дуэ, вполне прилично изучен еще в 60-х годах инженером Носовым.

По его данным он качествами своими далеко превосходит каменный уголь Урала и Донецкого бассейна и может итти в сравнение только с лучшим английским углем. И если, особенно с 90-х годов, среди представителей различных фирм и пароходов укоренилось мнение, что сахалинский уголь хуже даже японского, то это единственно благодаря халатности и бесхозяйственности царского правительства. Разумеется горнопромышленная техника за время с 60-х до 90-х годов ушла очень далеко вперед, причем и Япония в этом не отставала, а сахалинский уголь пускался в продажу попрежнему, даже не сортированным.

Я думаю, — если кардиф продавать пополам с пустой породой и с прослойками глинистого сланца, то его тоже перестанут брать именно вследствие плохого качества; а таково ли оно от природы — покупатель, конечно, не будет спрашивать, ему нужна вещь, а не «философия».

Из всех 35 упомянутых угольных месторождений — эксплоатировалось только 4.

Разработка Дуйских копей началась с 1860 года.

Сначала взялось за нее тюремное ведомство, поручая руководство делом то морским, то армейским офицерам, имевшим о нем лишь самое смутное представление.

Временами попадало оно в руки специалистов, но и те ничего не могли сделать путного в смысле требований техники, так как рабочая сила и денежные средства находились всецело в руках тюремной администрации, — тесного комплота полупьяных бурбонов, враждебно на-

строенных ко всему, что выше их по образованию и культурным запросам.

Жалобы и доносы плодились, как грибы после дождя, а дело подвигалось вперед туго.

Между тем, именно изобилие и качество сахалинского угля, подтвержденное научными экспедициями, имело решающее значение в вопросе о присоединении острова

Рис. 28. *Каменноугольный рудник поста Дуэ (1898).*

к русским владениям; и вот, видя бессилие и неумелость собственного хозяйственного аппарата, царское правительство 19 сентября 1876 года заключило арендный договор на разработку Дуйских копей в течение 24 лет с неким Бутковским, который, в свою очередь, 4 октября того же года передал все свои права обществу «Сахалин».

Каторжан к этому времени тюремное ведомство понавезло на остров настолько изрядное количество, что, как

хороший крепостник-помещик, могло свободно сдавать их по дешевому тарифу в кабалу обществу «Сахалин».

Целых 17 лет общество «Сахалин» вело разработку богатейших Дуйских копей самым допотопным способом, сводя этим на-нет высокое качество угля, не желая нести расходов даже на содержание горного инженера и состоя постоянным недоимщиком казны в смысле платы за труд каторжан.

Отечественная картинка бесконтрольных хищников-рвачей, с одной стороны, и полусонных взяточников-бюрократов, с другой, — увенчалась 31 июля 1892 года новым контрактом, заключенным с тем же самым «обществом» за 7 лет до окончания старого арендного срока.

Недоимки, несмотря на целый ряд сокращений и уступок в ущерб казны, возросли до крупной цифры в 104 162 руб. 15 коп. Отсутствие горного инженера получило официальную санкцию в виде нелепого пункта в контракте, по которому техническое наблюдение над правильностью ведения дела возложено было на окружного инженера Приморского горного округа, жившего тогда в городе Хабаровске, на расстоянии около 1 700 *км* от Дуйских копей. Тюрьма обязывалась ежедневно давать в распоряжение общества «Сахалина» нужное количество рабочих рук, но не менее 210, или платить по 1 рублю штрафа за каждого недоданного.

Около 700 каторжан с целым штатом администрации и воинской команды, вся Дуйская тюрьма, стоившая казне около 650 000 рублей в год, предоставлялась в распоряжение компании хищников, какими зарекомендовало себя в достаточной степени общество «Сахалин». Одним словом, последний фиговый листок был снят и дальше рассказывать нечего. Sapienti sat (мудрому — довольно).

Между тем число каторжан на острове все росло; росло с ним и количество хозяйственных и других по-

строек, нуждающихся в отоплении почти девять месяцев в году.

Когда густые, первобытные леса извели для этого отопления почти на 15—17 *км* в окружности, то хватились, что смешно и дико, сидя на каменном угле, затрачивать массу поденщины на добывание дров. Высчитали, что добыча угля потребует в течение года в три раза меньше поденщин, чем заготовка дров, и в 1890 году приступили к разведкам и попутной разработке трех каменноугольных пластов у самого поста Александровского: один — мощностью в $^1/_2$ *м*, другой в 1 *м* и третий в 1,8 *м*.

Все три пласта имеют выходы на поверхность в трех сопках, на пространстве какого-нибудь одного квадратного километра, лежащих друг за другом в бассейне речки Большой Александровки, при самом впадении ее в Татарский пролив.

Попутно разрабатывался небольшой пласт и в Дуэ, рядом с обществом «Сахалин».

Оба тюремных рудника вместе давали в среднем тонн триста в год угля настолько плохого качества, что, например, для тюремных катеров уголь брали уже у Дуйского общества «Сахалин» взамен десяти ежедневно отпускавшихся бесплатных поденщиц. Обслуживалась этим углем тюрьма и заходившие на Александровский рейд пароходы.

Разумеется командиры бранили качество угля, который подсовывала им тюремная администрация. Оно и понятно: разработка для удешевления велась у самых выходов пласта на поверхность, где уголь всегда бывает нечистым и выветренным.

В июне 1895 года Александровский рудник был совсем закрыт (только одно лето я в нем и поработал, о чем впрочем не особенно сожалею); закрыли его якобы вследствие малой пригодности продукта, а на самом деле вследствие

малой пригодности к какому-либо живому делу самой администрации. Дуйский же рудник продолжал влачить самое жалкое существование.

За четыре года работы этих двух тюремных рудников было продано всего 263 707 пудов на пароходы; и понесли их командиры по всему свету славу о дурных качествах сахалинского угля. Однако приехавший в июле месяце того же 1895 года на вновь установленную штатную должность горный инженер Марголиус за какие-нибудь полгода сумел воочию доказать совершенно обратное.

Пересмотрев штабели заготовленного тюрьмой угля (а заодно и общества «Сахалин»), он нашел, что главными недостатками их, на которые до сих пор не обращалось никакого внимания, являются: измельченность угля и содержание посторонних примесей. Объясняется это нерациональным устройством спусков и полным отсутствием сортировки. Добиться коренной переделки спусков, согласно указаний техники, ему так и не удалось. Тогда он разбил часть добытого угля на четыре сорта: кусковой, кулачный, орешник и мелочь, при помощи самых обыкновенных качательных плоских грохотов; затем отделил вручную глинистый сланец и вообще пустую породу. В результате — самые лучшие отзывы о качествах этого самого угля. Уголь оказался годным для кузнечного и сварочного производства, для паровых двигателей и квартирного отопления.

Таким образом первоначальные отзывы научных исследователей о хороших качествах угольных пластов можно считать восстановленными, почему я собственно и остановился на всех этих подробностях.

К обследованию Владимировских пластов тюремное ведомство приступило в 1896 году; до самой Японской войны разведка там шла параллельно с эксплоатацией.

Рудник этот лежит в долине речки «Ноями», близ впадения ее в Татарский пролив, в 19 *км* к северу от поста Александровского. Открыто было 5 пластов каменного угля, мощностью от 1 до 2 *м*, с общим протяжением к югу до речки Арк-во, т. е. на 6 *км*.

Крутое падение каменноугольных пластов, доходящих местами до 60°, сложность дислокации осадочных пород и твердость их, при плохих технических средствах, которыми располагала тюрьма, не позволили тогда же сделать разведки в глубину; но большая мощность пластов у выходов, как в долине реки Ноями, так и за 6 *км* от нее — в долине реки Арк-во, — уже сами собою указывают на значительное богатство месторождения.

Обилие леса во всей этой местности вполне обеспечивает крепление, а качество самого угля не оставляет желать ничего лучшего в смысле однородности, легкой воспламеняемости и малого количества золы.

Кроме тюремного ведомства и общества «Сахалин», каменный уголь на острове разрабатывало еще одно частное товарищество («М а к о в с к и й и К°»). Оно владело там двумя рудниками.

Первый из них, Сартунайский, — в 165 *км* к югу от поста Александровского (теперь на Японской территории), в долине речки Сарту-най, — работал три с лишним года, с 1892 г. до середины 1895 года, добывая в среднем около 4 000 тонн в год; в августе 1895 года закрылся, так как, за отдаленностью его от центров, пароходы туда заходили неохотно. Между тем, чтобы дать руднику дешевую рабочую силу, губернатор приказал основать поблизости его селение Нояси, жители которого, после ликвидации рудника, остались в ужасном положении; окружающая местность для земледелия совершенно непригодна, а сообщение — 165 *км* летом на лодке, а зимой на собаках; кругом скалы и непроходимая тайга. Чтобы

спасти несчастных от голодной смерти, следующим же летом пришлось за 1 000 рублей зафрахтовать частный пароход и доставить им продукты.

Разумеется, затем все они разбежались.

Поиграв таким образом в «углекопы» на Сартунайском руднике, товарищество занялось новой разведкой и добычей угля в долине речки Мгачи, на этот раз уже к северу (в 33 *км*) от поста Александровского; оттуда товарищество продало за 2 года больше угля, чем добыто за $3^1/_2$ года в Сартунае.

Мгачинский рудник функционировал до начала войны с японцами, но данных о мощности и качестве его пластов у меня под руками сейчас не имеется. Надо полагать, что, находясь сейчас же рядом с Владимировскими пластами, месторождение это составляет их продолжение. С перерывами оно простирается до самой северо-западной оконечности Сахалина. Поэтому и качество угля, залегающего по всему западному побережью, вряд ли имеет значительные отклонения в той, или другой промежуточной местности.

Какие же в конце концов практические результаты дала сорокалетняя эксплоатация всех этих неисчерпаемых сокровищ «черного золота»?

В статье инженера Марголиуса «Горное дело на Сахалине» есть исчерпывающая таблица, из которой следует, что на всем Сахалине, за 36 лет эксплоатации каменноугольных богатств выработано 11 994 581 пуд или 179 000 тонн каменного угля, т. е. в среднем по 5 000 тонн в год — груз одного океанского парохода.

Надо полагать, что при такой «эксплоатации» угольных богатств Сахалина, они не особенно истощились: вроде того, как если бы каменную гору сверху поскребла мышь. Та же мышь продолжала скрестись там и после 1905 года вплоть до настоящего времени.

В 1924 году мне писали с Сахалина, что «рудники почти не работают; есть в Мгачах слабенькая работа, чуть-чуть в Эриксоновском руднике возле селения Половинки (5 *км* к северу от Александровска); едва тянет работу и Дуйский рудник».

Эти немудреные строки письма достаточно ясно рисуют ту картину развития сахалинской каменноугольной промышленности, которую застало там советское правительство.

Может быть, это и к лучшему. По крайней мере, сразу придется начинать все сначала, не тормозя работы разными «наследиями» и пережитками, от которых так трудно бывает отвязаться в живом деле. Легче взяться за него с начала, чем исправлять испорченное. Дальнейшее все будет зависеть уже исключительно от нас самих.

НЕФТЬ

В том месте, где хребты северного Сахалина, постепенно снижаясь, переходят в обширные болотистые бассейны рек Тыми и Набили, на восточной стороне острова, почти под 52° северной широты, хранятся неисчерпаемые запасы нефти, этого столь же драгоценного для современной техники материала, как и уголь.

Именно — «хранятся».

Сама природа, окружив эти места непроходимыми дебрями и топями, как бы заранее позаботилась о том, чтобы не расхитили драгоценную влагу иностранные, да и свои любители легкой наживы. Только серьезная, хозяйская рука, о которой говорится, что ей: — «дома и стены помогают», — могла бы успешно взяться за разработку сахалинских нефтехранилищ.

В 900-х годах появился на Сахалине искатель счастья по свету — инженер Клейе; полуголландского, полунемецкого происхождения — он приехал с острова Суматры на остров Сахалин, приняв русское подданство, чтобы беспрепятственно сделать заявки на нефть, о которой неоднократно, хотя и вскользь, упоминали в своих записках некоторые из мимолетных научных экспедиций и путешественников, посещавших остров.

Приехал он с двумя взрослыми сыновьями и молодым штейгером — англичанином.

Пóсле невероятных трудностей и приключений во вкусе Джека Лондона, этой компании удалось найти несколько выходов нефти на поверхность земли в виде так называемых нефтяных озер.

Плохо снабженная инструментами экспедиция эта не могла, конечно, произвести глубокого бурения и определить даже приблизительно богатства залежей; к тому же, для доставки нужных инструментов и машин пришлось бы прокладывать предварительно дороги по таким дебрям и болотам, о которых и понятия не имеют

Рис. 29. *Нефтяная вышка вблизи Набильского залива (Сев. Сахалин).*

те, кто их не видел воочию. Требовалась прежде всего затрата капитала, и капитала не маленького.

Тем не менее и сделанных открытий оказалось достаточно, чтобы забить тревогу среди иностранных капиталистов. Клейе старался во-всю, и через год приехала уже целая группа специалистов, посланных каким-то крупным, — кажется, англо-французским, — обществом и, после ряда исследований, установила, что в 12—15 *км* от берега Набильского залива, на северо-восточном берегу Сахалина, километрах в 85 от ближайшего населенного

центра, среди первобытного хаоса топей и чахлых лесов, имеются неисчислимые по содержанию нефтехранилища, не уступающие по качеству продукта, а может быть и по количеству, Бакинским.

На восточном берегу Сахалина начиная с 1920 г. и по настоящее время, японцами добывается нефть. С 1925 г. нами сдана японцам эта концессия на добычу нефти в шахматном порядке, т. е. наша и их территории идут вперемежку.

Если взяться за дело как следует, не боясь предварительных затрат и трудов, если на северном Сахалине провести железные дороги, как японцы уже сделали это на южном, тогда разработка двух таких основных продуктов культуры, как уголь и нефть, дала бы новый мощный источник народного богатства, и новые культурные центры закипели бы разумной жизнью там, где много веков спит равнодушная природа и бродит полуголодный туземец в меховых одеждах с луком и стрелами за спиною.

ДРУГИЕ ИСКОПАЕМЫЕ БОГАТСТВА

Есть на Сахалине горная речка «Агнево».

Впадает она в Татарский пролив километрах в 50 к югу от поста Александровского.

Бродя однажды по течению этой речки с ружьем за плечами в поисках чего-нибудь интересного для Сахалинского музея, я невольно обратил внимание на какую-то толстую жилу, сверкавшую металлическим блеском при ярком солнечном свете на крутой осыпи берега. Убедившись, что предо мною не что иное, как обнажение свинцовой залежи, я с помощью охотничьего топора и заостренных кольев проследил, насколько можно было, направление жилы, причем наткнулся еще на несколько выходов ее по скалистым оврагам. Набив сумку кусками породы, я поспешил вернуться домой.

Тщательное исследование показало в образцах свинца почти 1% содержание серебра, а известно, что уже 0,1% делает выгодной специальную добычу этого металла из свинцовой руды.

Разумеется, из всех моих представлений ничего не вышло. Образцы серебро-свинцовой руды были положены в музейную витрину и впоследствии благополучно были забраны японцами вместе со всем остальным содержанием музея. Да и что мог сделать я или вся наша колония политических ссыльных, когда Географическое общество, на свое ходатайство предоставить мне свободу передвижения по острову для научных целей, получило резкий отказ со стороны местного военного губернатора; а патентованные инженеры-чиновники предпочитали картежную игру

таежным разведкам, и если выезжали с помпой куда-нибудь в глубь острова, то занимались больше вымениванием на спирт соболей у туземцев, чем прямыми своими обязанностями, чему, впрочем, не чужд был и сам губернатор.

Конечно, находка такой богатой и, по всем признакам, очень обширной серебро-свинцовой жилы — есть случай; но таких «случаев» доступа в Сахалинскую сокровищницу можно, при желании, найти очень много...

Прослышала как-то местная чиновная публика, что на северном Сахалине, в Тымовском округе, найдено золото. Вот тут все встрепенулись: тут затраты при удаче окупаются сторицей и, главное, не нужно особых технических приспособлений.

Моментально составилось что-то вроде акционерной компании; лихорадочно делались разведки, скупались паи... Но публика прогорела очень скоро. Золото оказалось «гнездовое». Ни жил, ни определенных россыпей так и не было найдено.

Хотя сходство в геологическом строении некоторых горных отрогов острова с амурскими золотоносными россыпями дает основание предполагать, что на нем существуют и месторождения золота, но в данном случае мне, грешным делом, до сих пор кажется, что какие-то ловкачи применили здесь старый прием сибирских «старателей» из неудачников, состоящий в том, что заряжают ружье золотым песком вместо дроби и стреляют в землю; повторяют это раз 5—6 в нескольких местах и, затратив 2—3 сотни рублей, продают такой «посоленый» прииск за хорошие деньги какому-нибудь новичку, пораженному богатым содержанием золота в пробитых «наудачу» шурфах.

Мы уже говорили о том, что на южном Сахалине, по левым притокам реки Найбучи, японцы принялись за разработку золотых россыпей, открытых еще инженером

Лопатиным в 1867 году. Но это уже дело не наше и только может служить доказательством, что на Сахалине возможен и этот сорт промышленности.

Впрочем, зачем золото и связанная с ним горячка жадности, преступлений и некультурного хищничества, когда тут же, куда ни бросить взгляд, ждут мирного, спокойного труда мощные залежи свинца, железа, цемента...

Я помню, например, что администрация острова выписывала для хозяйственных нужд целые тысячи пудов охры, обходившейся с доставкой до 25 копеек за кило, а тут же, за тюрьмой, на кладбищенском откосе, который обрывом спускается к морскому пляжу, на несколько километров тянется толстый пласт самой лучшей золотистой охры. Краска настолько хороша, что почти не требует отмучивания.

Или, например, известняк привозился всегда с материка по 5 коп. за кило, а цемент — из-за границы обходился от 6—10 руб. за бочку, тогда как валуны известняка встречаются по всему побережью, особенно на южном Сахалине, а залежи мергелей, годных на изготовление лучшего цемента на целые миллионы бочек, имеются тут же, за мысом Жонкиер и в осыпях хребта «Пиленга».

Залежи бурого железняка встречаются по всему острову; масса горных речек и ручьев несет железистую воду, но, как пишет инженер Марголиус, несколько лет состоявший на штатной должности горного инженера острова Сахалина, «для открытия надежных месторождений железной руды ничего не предпринималось, хотя при изобилии на острове месторождений коксующихся углей, возникновение чугунно-плавильного производства не только возможно, но и весьма важно».

По крайней мере откровенно; тем более, что и после отъезда упомянутого инженера с острова, дело оставалось в таком же положении, как и до него.

Во время одного из своих странствований, продвигаясь к северу от поста Александровского по пляжу западного побережья, около 52-й параллели, не доходя залива «Виахту», я наткнулся в осыпи скалистого берега на выход железной руды в виде темно-серой жилы, мощностью от одного до двух метров, вероятно магнитного железняка. Конечно, — это не единственное месторождение на острове!

Все, кому случалось бродить зимою на лыжах по Сахалинским хребтам, в один голос говорят, что не раз они натыкались на ручейки с водою настолько теплой, что на дне их росли водоросли, а прибрежные кочки покрыты были мохом и цветущими лишайниками. Мне самому раза два пришлось видеть это странное явление бьющей ключом летней жизни среди снеговых сугробов в 2 метра высотой и трескучего мороза окружающей застывшей природы. А вот что рассказал мне один знакомый, которому удалось случайно напасть на самый источник [1].

В декабре месяце случилось ему итти долиной речки Агнево (50 *км* к югу от поста Александровского).

Увидевши вдали длинную, извилистую полосу пара вдоль замерзшей реки, он спустился на лед и вскоре добрался до открытой воды — наощупь тепловатой, пробившей узкую канавку вдоль одного берега речки. Дальше канавка эта расширялась, вода становилась все теплее и, наконец, за одним из поворотов, он увидел маленький каскад совсем горячей воды, падавший с высоты около 12—15 *м* четырьмя отдельными струйками.

Цепляясь за деревья и кусты, кое-где торчавшие из откоса, он добрался до узкого, не шире одного пальца, отверстия в скале, из которого, как из открытого крана,

---

[1] Небольшая заметка об этом помещена была в Сахалинском календаре за 1897 г. (часть 1-я, стр. 146).

бежала горячая вода. Термометр на воздухе показывал —20°, а в этой струе воды +21° (по Реомюру).

Качественный анализ показал присутствие: калия, натрия, магния, кальция, бария, закиси железа, кремнозема и кислот: угольной (в изобилии), серной и следы хлористоводородной.

Конечно, этот источник на Сахалине не единственный.

Я не специалист по горному делу, но, прожив на Сахалине 11 лет, исходил его вдоль и поперек, несмотря на самые строгие запрещения начальства; прошел от поста Александровского тайгой более 600 *км* к югу до поста Корсаковского; был на берегу Анивского залива и обошел залив Терпения; прошел 480 *км* к северу, когда пешком покидал остров зимой 1905 года; посылал свои наблюдения и снимки в Географическое общество; делал доклад в Академии наук (по климатологии Сахалина) — и вот, в результате всех своих многолетних наблюдений и скитаний по сахалинским дебрям, — скажу одно: дебри эти — неистощимая сокровищница...

ЛЕСА И ТРАВЫ

Но не только моря и недра Сахалина полны неисчерпаемых сокровищ; богата и его поверхность. Остров — лесистый по преимуществу.

Если из 7 миллионов десятин почти исключительно лесной площади на нашу долю осталось около трех, то и это что-нибудь да значит в хозяйстве. Породы и качества сахалинского леса зависят не столько от географической широты той или другой его местности и не от вертикальных поясов, сколько от расположения междухребтовых коридоров по отношению к господствующим ветрам и от степени крутизны самых хребтов.

Географические широты, кажется, самые благоприятные. Северный Сахалин, например пост Александровский, на одной широте с Харьковом, а южный Сахалин, бывший пост Корсаковский — с южным берегом Крыма и с Неаполем.

Горы его также не высоки. Лишь некоторые вершины достигают 1 *км* над поверхностью моря; в среднем же высоту хребтов можно считать около 400—600 *м*. Но зато хребты эти расположены параллельными цепями вдоль острова, длиною около 950 *км*.

На северной оконечности этих коридоров дышит вечным холодом Охотское море, где и в июле месяце плавают льдины, а на южном выходе — Японское море, с теплым течением «Куро-Сиво», омывает «страну Восходящего солнца», где и зимою цветут хризантемы. Ясно, какой напряженный ток холодного ветра создается при таком расположении поверхности острова и как губительно должен

отзываться он на растительности, делая ее далеко не соответствующей той географической широте, на которой она находится.

Есть еще одна усиливающая это влияние причина — это крайняя заболоченность почвы острова. На самых высоких горах можно встретить воду на глубине от полметра и до двух метров, смотря по расположению глинистой подпочвы; промерзая зимою насквозь, этот слой летом очень медленно оттаивает, так как сверху защищен толстым слоем торфа.

Разумеется, такое обстоятельство на пологих склонах, где почвенная вода задерживается, не только не дает расти южным породам деревьев, но и вызывает разные болезни у более выносливых северных. Наоборот, крутые склоны Сахалинских хребтов почти везде покрыты здоровым и высокоствольным лесом.

Несомненно, что в этих случаях некоторое значение имеет и так называемая интерференция ветра, на которую указывает Никольский в своей книге — «Фауна позвоночных животных острова Сахалина». Интерференция ветра заключается в следующем: ветер, сталкивясь с крутой поверхностью, отражается от нее назад с той же силой; вызываемое таким образом уничтожение силы нападающих и отраженных частиц воздуха производит полосу затишья.

Но главная причина, мне кажется, лежит все-таки в условиях почвы, на которой дерево растет и которой питается; никакая интерференция не поможет там, где сама почва почему-либо не может дать питания.

Северная треть Сахалина, до широты 51°30′, имеет на себе лишь невысокую гряду холмов (около 150 *м* в среднем), которая пересекает ее в продольном направлении с уклоном к восточному побережью. Ветры Охотского моря свищут там на просторе круглый год; почва, промерзлая на глубину свыше двух метров, местами никогда

не оттаивает, а местами отходит на $^1/_2$—1 *м* сверху. Какие там могут быть леса?

И их нет. Чахлые перелески ели и лиственницы ютятся кое-где под защитой холмов и в глубоких речных долинках. Торфяники, тундра или песчаные наносы тянутся во все стороны, насколько глаз хватает. Мхи, да лишаи; клюква и морошка краснеют узорными коврами; поблескивают зеркальной поверхностью круглые тундровые озерца, да кое-где одиноко торчит чахлая лиственница. Тысячные стаи уток и гусей всевозможных пород оглашают здесь воздух неумолчным криком все лето; по ночам встают седые туманы, а зимой белые куропатки да горностаи покрывают снежную равнину затейливым узором своих следов, или в ненастье ревут и воют снежные бураны.

И тут же рядом, даже севернее описываемой местности, выше 54-й параллели, в горной части острова, мы находим высокоствольные леса из хвойных и лиственных деревьев, имеющие почти такой же характер, как и леса средней части острова. Но участки эти защищены от холодного дыхания Охотского моря поперечными отрогами продольных горных цепей.

К югу от 51°30′ почти весь Сахалин заполнен горными хребтами. Длинной цепью, местами сдвоенной и строенной, легли они вдоль острова, образуя бесчисленные коридоры «падей», т. е. долин, «распадков», или ложбин, спускающихся с хребта, и «стрелок», т. е. коротких отрогов горной цепи. В том месте, где остров начинает заметно расширяться, т. е. около половины его (японская территория), все эти горные цепи спутываются в узлы и образуют центральный поперечный водораздел, с которого к северу течет многоводная и широкая река Тымь, а к югу еще более мощная артерия — Поронай или Плый.

Долины этих рек в среднем течении богаты травяной растительностью, лиственными лесами и, будь климат Сахалина чуть-чуть помягче, могли бы служить целям земледелия.

В нижнем, обнаженном от гор, течении обе реки окружены тундрой и топями, а местами и вечной мерзлотой, несмотря на низкую, сравнительно, широту географического положения.

Но таких мест с чахлой растительностью очень немного.

Огромное большинство поверхности острова занято хвойным лесом, преимущественно елью и пихтой.

Ель встречается везде. Она покрывает склоны гор, взбирается полосами на их вершины, встречается и в низинах, везде преобладая над пихтой и достигая иногда очень крупных размеров, до одного метра в поперечнике на высоте груди человека.

Ровные и прямые, как свечи, стоят эти деревья на необозримых пространствах, и если бы не отчаянный бурелом и не сплошные заросли разных колючих кустарников в каждом просвете, то прогулка под широкими, темно-зелеными шатрами их нижних ветвей могла бы доставить истинное удовольствие. Но увы, удовольствие это превращалось в истинное мучение, как только, бывало, нырнешь под эти зеленые своды, такие заманчивые издали.

Веками накопившийся бурелом возвышается сплошными засеками по несколько метров высоты. Свободные места покрыты кочковатым мхом, как губка, пропитанным сыростью; всюду стоят лужи с черной, ржавой водою. Темно здесь и сыро, как в погребе; пахнет плесенью и грибами.

Но вот лес поредел, исчезли трущобная сырость и мрак, потянулись заросли кедрового «стланца».

Это для путника удовольствие тоже из средних.

Высотою в 2—3 *м*, с перекрученными, как веревка, стволами, низкорослые кедры эти растут так близко друг к другу, что пройти между ними по земле совершенно невозможно. К тому же вершины их перепутались, сбились в какой-то сплошной колтун, совершенно почти непроницаемый для лучей солнца, и там на земле под ними темно и душно невыносимо.

Если не хочешь обходить эти заросли, которые местами тянутся на целые километры, то надо лезть наверх и шествовать по зыбкому ковру густо-переплетенных зеленеющих вершин. С непривычки сначала часто проваливаешься то одной, то другой ногой, а то и обеими вместе, повисая в пространстве на руках, и с трудом выбираешься опять на этот своеобразный ковер; но потом привыкаешь быстро нащупывать ногой наиболее прочные сплетения веток и скачешь, бывало, не хуже, чем по ровной земле (если допустимо такое, довольно несообразное, сравнение).

Кедровый стланец встречается на Сахалине повсюду: и на севере, и на юге, и на высоких горах, и почти на уровне моря. Его тонкие, перекрученные стволы ни на что, кроме дров, не годны, а орешки мелки и сплошь почти пустые.

Встречающаяся почти исключительно в смеси с елью пихта отличается на Сахалине рыхлой, непрочной древесиной и не годится не только на постройку, но даже на дрова, так как горит плохо и дает мало жару. Зато ее заболонь богата смолой, вполне пригодной для получения хорошего скипидара. Особенно крупных размеров дерево это не достигает, именно вследствие непрочности своей древесины.

Зато чрезвычайной плотностью и прямо железной твердостью и тяжестью отличается здесь лиственница.

При перегонке по морю или при сплаве лиственничных бревен, приходится по бокам каждого лиственничного ствола привязывать еще по еловому, иначе бревно тонет.

Вообще лиственница представляет лучший строевой материал на острове. Дом, выстроенный из лиственничных бревен, почти не поддается разрушительному действию времени. Стены после осадки как бы сливаются в одну сплошную массу. Никакая сырость не берет их, и червь не точит.

Растет лиственница, главным образом, в холодной, северной половине острова, ближе к восточному берегу. На местах сырых и низменных она толще и ветвистее, чем на возвышенностях; но зато горные деревья очень высоки, стройны и маловетвисты.

Строевой материал из них получается превосходный.

Заодно упомянем еще одну хвойную породу, встречающуюся на южном Сахалине в виде небольших деревьев, а на северном представляющую лишь приземистый кустарник. Это тисс. Его плотная, красноватая древесина прекрасно полируется и годится на столярные и токарные изделия. Надо впрочем помнить, что тисс весьма ядовит, причем с возрастом ядовитость его древесины увеличивается, так что, например, для выделки посуды или игрушек употреблять его не следует.

Оригинальную и красивую картину видишь, когда с какой-нибудь горной вершины смотришь на светло-изумрудные ленты лиственных лесов, затейливыми изгибами вьющиеся по хребтам и падям на общем фоне темной зелени хвойника. Лиственный лес, встречаясь только по долинам главных рек, по течению бесчисленных ручьев и горных речек, особенно в защищенных местах, значительно уступает хвойному по размерам занимаемой площади.

Чаще всего среди сахалинского чернолесья встречаются: тополь, ильм, или иначе вяз (горный и полевой), береза (белая и желтая), затем осина, дуб (преимущественно на юге), где он все же не достигает больших размеров; попадаются ясень и клен, наконец, боярка, с красивой древесиной слоями красного и белого цвета и повсеместно растущая ива и ольха.

Колоссальным ростом из всей этой смешанной зелени выделяются тополи. Нередко встречаешь экземпляры до одного метра и более в поперечнике и, конечно, соответствующей высоты. Его древесина мягка и некрасива, а потому для поделок не годится.

Зато ильм дает роскошный поделочный лес темного, красновато-коричневого цвета. В средней (нашей) и южной (японской) частях Сахалина он очень распространен и достигает значительных размеров, до одного метра в поперечнике, а на юге — даже до двух метров. Колоссальные ильмовые пни с плоско-сидящими огромными корнями доставляют немало хлопот при корчевании; оставшиеся невыбранными корневища гниют и, благодаря вредной для растений ульминовой кислоте, содержащейся в таких гнилушках, надолго понижают плодородие почвы. Волокнистый луб ильма дает аинцам материал, из которого они так же, как и из крапивы, ткут грубую, вроде рогожки, материю для одежды.

По всему острову, заходя далеко на север, распространена береза, белая и желтая. Последний вид растет преимущественно по склонам гор до самых вершин, выше пояса хвойного леса. Некоторые хребты сплошь, на многие километры, покрыты этим неприхотливым на почву лесом.

Интересен подлесок в этих березовых рощах.

Это особый вид бамбука, известный под именем курильского (arundinaria kurilensis); местное население

называет его камышом. Больше он нигде не встречается, как только на Сахалине и на Курильских островах и представляет собою, в сущности говоря, вид выродившегося обыкновенного японского бамбука; разница только в размере и в яркости окраски. Японский бамбук достигает толщины в ногу, а сахалинский не превышает толщины карандаша. Высотою в 2—3 *м* растет он так часто, как сеяный хлеб на полях, и для пешехода представляет препятствие почище кедрового стланца, тем более, что растет преимущественно по горным склонам.

И без того буквально задыхаешься в этой непролазной чаще перепутанных гибких стеблей, а тут еще мириады комаров и других насекомых жалят и жужжат со всех сторон; ноги скользят по крутому склону неведомо куда, так как перед тобою стена колыхающегося бамбука; хватаешься руками за стебли, чтобы удержаться, а они вырываются с корнем... Бамбук этот из березовых перелесков расползается во все стороны, не чуждаясь и еловых лесов, где он представляет собой очень странную картину, едва ли виданную в какой-нибудь другой части света.

Ни на какие поделки этот бамбук не годен, так как слишком тонок и хрупок.

Об остальных породах лиственных деревьев распространяться не стоит. Встречаются они отдельными экземплярами, кроме ольхи, да разве еще ивы, и ничем не отличаются от своих собратьев в Сибири и в Европейской части нашего Союза. Но о чем, как о специфической особенности Сахалинского чернолесья, следует упомянуть — так это о наплыве.

Узловатые наросты, не на коре, а на самой древесине березы, дуба, боярки, ильма называются «наплывом» и достигают на Сахалине чудовищных размеров и веса.

Встречаются такие шишки до 80—100 *кг* весом и около $^3/_4$ метра в диаметре.

В разрезе наплыв удивительно красив по своим перепутанным, переливающимся слоям. Хорошо полированный березовый наплыв положительно напоминает перламутр, а боярковый — светло-коричневый с пурпуром, точно кровяной сетью жилок и глазков, отливает темным блеском, как оперение золотого фазана.

Местные искусники столярного цеха умели достигать в разных поделках из этого наплыва высоко-художественных эффектов, придавая им посредством протравы медным купоросом и другими снадобьями полное подобие малахита, мрамора или оникса, смотря по расположению и фигурности слоев.

Письменные столы, шкапы, буфеты и стильная мебель, посланные тюремными мастерскими на Нижегородскую выставку, возбуждали там общее восхищение оригинальной мозаикой из наплыва. Американцы, французы и немцы, посещавшие Сахалин, в один голос утверждают, что ничего подобного по красоте и оригинальности, как такие работы из наплыва, они не встречали во всем мире.

Эта особенность сахалинского леса с избытком восполняет недостатки его древесины и делает его положительно драгоценным материалом.

Широкое развитие столярного, резного и токарного производства, под руководством и по рисункам художников, могло бы извлечь из-под спуда и вызвать к жизни и этот дар сахалинской сокровищницы.

Из кустарниковых пород чаще других, почти повсеместно, встречаются: малина по опушкам хвойных лесов, моховка (Ribes affine) по сырым местам рядом с ольховником, шиповник на лесных полянах и по краям дорог, жимолость и бересклет (вида latifolius) с плотной, белой как снег, древесиной, годной для мелких изящных изделий.

Затем, конечно, таволга (spirea), образующая вместе с малинником непролазные чащи на лесных опушках, и красная бузина.

На юге (теперь у японцев) встречается дикий виноград с лозою не толще $2^1/_2$ *см* и с зелеными, а не темными, как обыкновенно, плодами, невероятно кислыми; там же попадается коломикта, вьющийся кустарник, чаще всего взбирающийся по березам до самой вершины, с мелкими, продолговатыми плодами, которые аинцы употребляют в пищу; русское население называло их «кишмишом». Ягоды эти довольно вкусны и во всяком случае годятся на варенье.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов также о травяной растительности острова, достигающей поразительных размеров.

Общеизвестный лопушник, принадлежащий там впрочем к виду Petasites japonicus, сплошь и рядом образует целые рощи; под сенью широких, как потолок небольшой комнаты, листьев, между зелеными стволами, толщиной в руку, можно проехать верхом на лошади.

Тысячелистник раскидывает здесь свои белые махровые шапки на высоте до 3—4 *м*; а когда лопается огромная, как тыква, почка, выпуская целую щетку белых цветов, то раздается звук, подобный громкому щелканью бича.

Дорога на поселья, к югу от Александровска, сплошь обросла на десятки километров подобным травяным лесом.

В узких местах лопухи сплетаются над головою, как будто какие-то банановые рощи. Тройка свободно бежит под ними, позвякивая колокольчиком. Сидишь в телеге и невольно кажется — нето все это сон, нето ты действительно превратился в Гулливера у великанов. Солнце золотыми нитями брызжет сквозь поры и повреждения гигантских, изумрудно-зеленых полотнищ. От мягких стволов идет чисто травяной запах, и так вот и кажется,

что сейчас с десятиметрового листа свалится божья коровка величиною с хороший боченок, или по стволу побегут муравьи, размерами с собаку. До такой степени спутываются представления о действительности среди этой растительности, когда видишь у себя над головой огромную траву, которую привык видеть под ногами в форме обычного травяного ковра.

Гигантских размеров достигает также сахалинская крапива. Из ее длинных и крепких волокон аинцы делают ткани и вьют веревки, очень легкие и почти совсем не намокающие в воде, о чем уже упоминалось при описании быта этого племени.

В лиственных лесах острова встречаются в большом количестве два вида кормовой гречихи. Это так называемая «сахалинская гречиха», хотя она встречается и в Японии, и родственная ей гречиха Вейриха, названная так в честь открывшего ее русского врача Вейриха.

Для интересующихся приведу описание, сделанное профессором Баталиным (№ 44 и 45 «Земледельческой газеты», 1894 г.):

«Это многолетнее травянистое растение с тонкими гибкими стеблями, часто ветвящимися; листья довольно мягкие, большие, яйцевидные, заостренные, снизу беловато-войлочные; цветы в пазушных кистях многобрачные; у женских цветов околоцветник плотно прилегает к плоду; зрелая семянка вздутая, розовая, трехкрылая, длиною превышающая околоцветник более чем в три раза; семена гречихи Вейриха от семян сахалинской гречихи отличаются большей величиною и матовой поверхностью».

Растение это размножается не только семенами, но и корневищами, достигая роста в два метра и заглушая всю соседнюю травяную растительность. Его стебли, и особенно листья, очень мягки и съедобны. Одно время (1894 г.) передовые круги русских сельских хозяев, с про-

фессурой во главе, очень увлекались их кормовыми достоинствами и большим количеством съедобной массы. Но большого практического применения эта кормовая гречиха не нашла. Во-первых, мясистость стеблей и листьев совершенно исключила возможность приготовления из них сена, по крайней мере обычным путем (а все другие — вроде огневой сушки — дороги); во-вторых, соки ее содержат большое количество вредной для скота щавелевой кислоты. Недаром местный сахалинский скот инстинктивно избегает ее на пастбище, объедая траву кругом и оставляя заросли гречихи нетронутыми. Наконец, она сильно засоряет почву своими корневищами, отделаться от которых очень трудно. Возможно, что, при более рациональном хозяйстве и более научно обставленном, этот вид кормовой травы и можно было бы использовать в размерах, заслуживающих внимания и распространения.

Богаты, очень богаты сахалинские леса, но заброшены и забыты. Лесные пожары ежегодно уничтожали их тысячами десятин, а, главное, администрация оживала лишь с приближением двадцатого числа.

Прошли уже эти гнусные времена и от нас зависит, чтобы они больше не возвращались.

Это краткое описание сахалинской тайги основано мною частью на моих личных многолетних наблюдениях, частью на статье вполне компетентного человека, агронома А. А. фон-Фрикена, помещенной в Сахалинском календаре за 1897 год, часть II, стр. 1—47.

ЗВЕРИ И ПТИЦЫ

По глухим трущобам угрюмых и молчаливых сахалинских лесов бродит медведь, разыскивая питательные корни саранки, грибы, ягоды и занимаясь рыболовством на берегах речек.

Комичную картинку этого промысла наблюдал один мой товарищ.

— Как-то в начале осени, — рассказывал он, — вышел я на крутой, обрывистый берег верхнего течения Тыми. Рыбный ход уже кончался, но кеты в реке было еще порядочно. Сверху мне видно было, как она бороздила воду по всем направлениям.

Подошел я к самому обрыву, заглянул вниз и увидал интереснейшую картину.

На узкой, метра в четыре шириною, песчаной косе, далеко ушедшей наискосок в реку, сидит огромный медведь и сосредоточенно подцепляет лапой идущую вдоль косы рыбу. Подхватит когтями рыбину и, не оборачиваясь, махнет ее через плечо на песок. Очевидно, хозяйственный Мишка задумал предварительно накидать на косу запасец, чтобы потом уже всласть им полакомиться на досуге.

Коса-то узкая, а Мишка силен. Что ни взмах, то рыбина перелетает через косу и снова шлепается в воду, а он-то старается и ничего не замечает.

Вот кидал, кидал Мишка рыбу через себя, наконец, очевидно, думает: довольно, собрал запасец изрядный... Отряхнул он лапы, обернулся; глядь, — а на косе нет ничего; то есть буквально ни одной рыбины. Погля-

дел он туда-сюда, поднял морду кверху, да как заревет и лапами голову обхватил с отчаяния, совсем как человек.

Я чуть с обрыва не свалился от смеха.

Услышав это новое издевательство, Мишка взглянул в мою сторону, угрожающе рявкнул и медленно, с перевальцем, ушел с негостеприимной косы».

Медведей на Сахалине очень много. В одном Тымовском округе они ежегодно уничтожали от 30 до 50 голов рогатого скота и десятка два лошадей, что, при общей численности тюремного и поселенческого скота в 2—3 тысячи голов для всего острова, составляло процент довольно значительный, тем более, что и в остальных округах число задранных медведями лошадей и коров лишь немногим уступало Тымовскому.

Достигают медведи на Сахалине очень внушительных размеров. По крайней мере убитый много в 1901 году имел в длину 2,3 метра и весил около 400 *кг* без шкуры и внутренностей.

Мясо медведя, убитого зимой, довольно вкусно, но летом пахнет черемшой (дикий чеснок) и по́том.

Россомаха и рысь исчерпывают список более или менее крупных хищников на Сахалине. Ютятся они в самых неприступных трущобах таежных дебрей и встречаются сравнительно редко.

Соболя на острове очень много, но он по размерам меньше и по качеству меха хуже камчатского. Много также по речкам и выдры, которая достигает до $1^1/_2$ и более метра длиною.

Волков нет ни одного.

Лисицы встречаются разных сортов: желтая, огневка, крестовка и чернобурая.

Зайцев масса, так же как и белок, преимущественно серых; впрочем, попадается также черная белка и летяга.

Хорьков, колонков, ласок и других мелких хищников, конечно, очень много.

Из двукопытных по тундрам встречаются стада северных оленей, а в хребтах, на высших каменных «стойках», в хороший бинокль можно различить странные силуэты мускусной кабарги; странные потому, что зад приподнят у нее значительно выше плеч, а у самца, кроме того, из верхней челюсти торчат вниз два длинных, белых как снег, и очень острых клыка. На животе у пупка самец имеет еще железу в виде мешечка, наполненного крупинками мускуса, известного под названием кабарговой струи.

Воды на Сахалине более, чем достаточно.

«Кругом вода — в середине беда», — говорили каторжане; но и в середине-то воды было сколько угодно.

Бесчисленные ручьи, речки, озерца и топи; и все это переполнено всевозможными породами куликов, гусей и уток. Над морем вьются и неумолчно кричат чайки— серые, белые, коричневые. Морские орланы охотятся за ними, отнимая добытую рыбу.

Леса кишат черным рябчиком, крупным по размерам и удивительно доверчивым. Более чуткий и осторожный серый рябчик прячется в чернолесье по берегам речек.

В старых дремучих лесах, по мшистым долинам, подальше от жилья токует глухарь, достигающий 5—7 килограмм веса. Тетеревов вовсе нет.

По березовым перелескам, под невысокими хребтами и отрогами гор, бывает чудная тяга вальдшнепов, а дупеля и бекасы бувально кишат на потных луговинах тут же в двух шагах от окраины поста Александровского.

По кустистым полянам стайками кормятся куропатки, коричневые, а зимой белые, напоминающее продолговатые комки снега.

Но певчих птиц на Сахалине мало. Только жаворонок заливается в летние дни над чахлыми полями, да дятел однообразным стуком своим нарушает гнетущую тишину леса; кукушка меланхолично вторит ему, отсчитывая— сколько лет еще осталось жить на свете одичалому ссыльно-поселенцу, да сороки изредка поднимут неумолчное стрекотанье в чаще при проходе человека или какого-либо крупного зверя. Орлы, ястреба и коршуны описывают в небе плавные круги над вершинами лесистых гор, а по ночам в диких ущельях хохочет филин-пугач и белая большая сова мелькает бесшумно между деревьями, как привидение.

И вот такие же совы самодержавия сорок лет мелькали на мрачном фоне сделанного ими каторжным острова. А ведь при других условиях за этот срок он мог бы служить неистощимой сокровищницей, да еще поставленной против устья такой мощной краевой артерии, как река Амур.

Совы-то сгинули с первым лучом солнца свободы, а сокровищница и по сие время стоит под спудом...

КЛИМАТ

Правда, есть один крупный минус, казалось бы непреоборимый даже при таком удачном расположении острова и при всех его грандиозных богатствах.

Это — замерзаемость Татарского пролива и вообще суровый климат острова.

Но так ли это страшно, как кажется по рассказам лиц, налетами посещавших остров, и нет ли средств значительно смягчить климат, устранив замерзаемость пролива.

Постараемся хотя бы в самых общих чертах разобраться в этом.

Как я уже упоминал выше, климат Сахалина далеко не соответствует тем широтам, под которыми расположен остров. Чтобы не загромождать очерка многочисленными и малоговорящими неспециалисту таблицами, мы рассмотрим только несколько наиболее характерных метеорологических данных в форме уже готовых выводов. С некоторой натяжкой их можно считать для данных местностей за нормы, так как они представляют собою средние цифры из точных, вполне научно-обставленных ежедневных наблюдений за довольно приличные сроки, а именно: для северного Сахалина в его береговой части, в посту Александровском — за 20 лет, для средней центральной части острова, в селении Рыковском, за 15 лет и для южного Сахалина, в японской части острова, за 10 лет.

Нужно только не забывать, что Сахалин расположен между 54° 30′ и 45° 53′ сев. широты, и что пост Але-

ксандровский, например, лежит приблизительно на одной параллели с Киевом, а пост Корсаковский — с Крымом и Венецией. Тогда, относительно, суровость сахалинского климата выступит особенно рельефно.

Если мы возьмем только одни средние годовые температуры этих трех наиболее характерных пунктов Сахалина и сравним их с годовыми температурами разных отдаленных местностей, лежащих на одной широте с ними, то и этого одного будет вполне достаточно, чтобы сделать вывод далеко не в пользу сахалинского климата. Например, Лондон, лежащий на широте 51°29′, имеет +10,4° средней годовой температуры, при месячном ее колебании в 14,8° (Янв. +3°; июль +17,8°) и дневном колебании в 5,7°. А пост Александровский, почти под той же широтой и с таким же приморским положением (50°49′50″), дает среднюю годовую температуру только в +0,2° при огромном колебании по месяцам между +26,0° в июле и —34,2° в январе), что составляет 60,2° и при дневном колебании температуры в 25,5° в среднем.

Чтобы еще больше оттенить значение этой суровости сахалинского климата, вспомним, что Ленинград имеет годовую среднюю температуру в +4,4°, а ведь он лежит под 60 параллелью, т. е. почти на 10° севернее поста Александровского. Вот что значит мощное влияние Гольфстрема, так как Ленинград нельзя считать особенно защищенным с севера.

В Татарский же пролив, особенно на широте поста Александровского, не попадает ни одна струйка омывающего Японию теплого течение Куро-Сиво.

Рыковское, лежащее всего на несколько минут южнее Александровска, занимает на острове центральное положение по отношению к обоим побережьям, западному и восточному, а потому естественно, что средняя годо-

вая его температура еще ниже (—1,3°), при еще большей разности ее колебаний (мес.=74,7°, а сут.=35,4°).

Пост Корсаковский, находящийся под 46°41′ с. ш., нормален в этом отношении, хотя все же несколько холоднее, напр., Квебека (в Канаде), лежащего под тою же параллелью (46°49′ с. ш.).

Средняя годовая температура Корсаковского +3,3°, при 48°, разницы между высшей (+24,5° в июле) и низшей (—23,5° в феврале), и при 21,6° суточной разницы между максимальной и минимальной температурами; тогда как в Квебеке средняя годовая (+4,6°) теплее, а месячные колебание 31,6° (+19,3° июль и —12,3° январь) меньше, так же как суточные (10,3°). Но зато ведь пост Корсаковский почти на 500 километров по прямой линии южнее Александровска и значит настолько же ближе к теплому Японскому морю с его живительным потоком Куро-Сиво.

Для сравнения приведем еще несколько местностей, лежащих в пределах сахалинских широт.

Ситха (Сев. Амер.) . .	57°31′ с. ш.	средняя годовая	+ 6,2°
Берлин	52°31′ » »	»	+ 8,9°
Иркутск	52°16′ » »	»	— 0,5°
Вена	48°13′ » »	»	+10,0°
Париж	48°50′ » »	»	+10,8°

В общем холода держатся в северной половине острова (в Александровске и в Рыковском) восемь месяцев.

Только июнь, июль и август, да отчасти сентябрь, имеют минимальную температуру выше нуля. Но и то бывают годы, как, напр., 1887, когда только два месяца— июль и август — простояли совершенно без морозов.

Чтобы не удлинять главу о климате и не слишком ее специализировать, мы на этом и закончим обследование температуры. А затем, минуя по тем же причинам вопрос о барометрическом давлении, относительной и

абсолютной влажности, коснемся только направления и силы ветра, количества выпадающих в среднем осадков и вскрытия и замерзания вод.

Согласно правилам, установленным для метеорологических станций 1 класса 2 разряда (такими снабжены были пункты Сахалина), наблюдения производились три раза в день: в 7 ч. утра, в 1 ч. дня и в 9 ч. вечера, так что на год их приходится 1 095. Из этих 1 095 наблюдений в году средним счетом приходится: в Александровске 916 случаев ветренной погоды, в Рыковском 843 и в Корсаковском 886. Принимая во внимание, что при этом в Александровске и в Рыковском скорость ветра в среднем бывает 4 метра (в секунду), а в Корсаковском 3 метра, очень мало отклоняясь от этих цифр, можно заключить, что чуть не $^{9}/_{10}$ дня на Сахалине дует ветер и притом довольно значительного напряжения. И действительно, сколько я помню за 11 с лишком лет пребывания своего на острове, ветер там почти никогда не перестает. Еще с утра выдаются иногда штилевые погоды, но уже часов с 9 начинается ветер, между 1 часом и 3 он достигает наивысшего напряжения и к вечеру опять начинает стихать, но с тем, чтобы ночью опять повторить ту же процедуру.

В связи с сыростью и огромным суточным колебанием температуры — это постоянное напряжение ветра способствует развитию катарального состояния дыхательных путей, а также глухоты. Огромное большинство людей, проживших на Сахалине, особенно в северной его половине, 5—6 лет, уезжало с притупленным слухом, если не на оба, то уже обязательно на одно ухо, а иногда и с полным перерождением барабанной перепонки, даже без предварительного воспаления среднего уха.

На западном берегу северной части Сахалина, а также и южной, в зимние месяца — ноябрь, декабрь, январь,

февраль и март — больше всего дует чисто северный ветер; в центральной части — северо-западный. Весною, осенью и летом на севере и юге преобладает чисто южный и юго-западный, а в центре острова юго-восточный и северо-западный; при этом осенью преобладает в северной части юго-западный ветер, а в южной — северо-западный.

Ни чисто-восточных, ни чисто-западных ветров на острове почти не наблюдается; это вполне понятно, если вспомнить географическое расположение хребтов вдоль тела острова с севера на юг, с небольшими отклонениями в некоторых частях острова под углом в сторону востока и запада, чем и обусловливается направление преобладающих в той или другой местности ветров. Наиболее богаты сильными ветрами на северном Сахалине бывают зимние и осенние месяцы.

Особенно, бывало, зимою — в декабре и январе— как задует норд, закрутит снег — света не видно.

Сначала грязно-серые тучи, пухлые и медлительные начинают наползать буквально со всех сторон. Ветра нет, а они ползут и ползут, тяжело и медленно. Наконец, сомкнулись, и мутным, тяжелым прессом опускаются все ниже и ниже. Закрылись вершины гор, не стало видно и самых хребтов, поле зрения странно сузилось; впечатление какого-то плоскогорья, небольшого и круглого, за краями которого туманная бездна.

Упало несколько снежинок тяжелых и бесформенных, как клочья ваты, и сейчас же следом повалил снег такими густыми, прямыми, как стрелы, и крупными потоками, что в глазах зарябило.

Вот снежные потоки эти стали перекрещиваться; снизу навстречу им взвились косые белые спирали и вдруг разом рванул страшный порыв ветра, за ним другой, третий и завыл, заревел сахалинский буран. Целые снежные холмы, крутясь, мчатся со скоростью 30—40

метров в секунду, т. е. от 100 до 150 километров в час и сокрушают все, что не успело увязнуть в снегу по самую маковку. Ломаются телеграфные столбы, валятся трубы и сдираются листы железа с крыш, как папиросная бумага.

Итти куда-нибудь в такой буран не советуется; во-первых, вязнешь в сыпучем снегу буквально по горло, а иногда и далеко с головой; во-вторых, буря вьется прямо каким-то штопором и в кровь, как хлыстами, сечет лицо; в-третьих, на открытых, обледенелых, местах не удержаться никакими силами; катает и стукает тебя о встречные постройки, как бильярдный шар; наконец, не видно абсолютно ничего уже на расстоянии протянутой руки.

По три, по четыре дня, а то и по неделе продолжается такое «светопреставление». Жизнь замирает в постах и поселках. Обыватели сидят, как сурки, в своих хибарках, питаясь как попало.

Кончится буран, берешь лопату, открываешь дверь (двери обязательно открываются внутрь избы) и начинаешь проделывать ход наискось вверх в плотной белой стене снега. Вылезешь наверх и, стоя по пояс в снегу, видишь, что над океаном снежных волн, заливших весь городок, возвышаются кое-где отдельные дома, а в большинстве случаев одни коньки крыш, да трубы.

Снег потом осядет поплотнее, но все же середина улиц всю зиму держится на $1^1/_2$—2 метра выше узких траншейных переходов, проделанных жителями вдоль домов для удобства сообщения.

Таких сильных буранов почти каждую зиму бывает на северном Сахалине два, три, не считая 15—20 менее жестоких и продолжительных; да в осенние месяцы штормы налетают не лучше.

Я сам видел измочаленные и расщепленные бревна разметанного штормом плота, заброшенные волной на 20-метровую кручу берега, если даже не выше (боюсь преувеличить).

Вот грозы на Сахалине, особенно северном, редки, и если бывают, то большей частью осенью, иногда со снегом, градом и дождем вместе.

Общее количество осадков на Сахалине за год равняется приблизительно ленинградскому, т. е. около 600 миллиметров. А уж репутация Ленинграда в этом отношении достаточно «подмочена».

Разумеется, количество выпадающего снега не может даже итти в сравнение. На Сахалине, особенно в северной половине, его выпадает чуть не два метра, зато Ленинград богáче дождями.

Наибольшее количество осадков в северной половине острова выпадает в зимние месяцы (т. е. значит снега), а в южной — в летние (т. е. дождя). При этом на севере чуть не половину дней в году (155) идет снег или льет дождь, в центральной части это удовольствие продолжается 178 дней в году, т. е. ровно полгода, а на юге— 125 дней, т. е. одну треть.

Туманных дней больше всего в южной половине (70) и почти втрое меньше в северной (28) и в центральной частях острова (25).

Роса наблюдается на севере с мая по октябрь, а на юге с апреля по ноябрь. Иней бывает в северной и центральной частях острова почти круглый год, за исключением двух — а в центре и одного — месяцев. Только в южной половине дело обстоит в этом отношении более прилично, а именно: полных четыре летних месяца, начиная с июня и кончая сентябрем, инея не бывает вовсе.

Благодаря всему этому — сырости, упорным ветрам и огромному колебанию температуры с частыми замороз-

ками даже в летние месяцы, субъективное ощущение холода на Сахалине значительно сильнее, чем он есть на самом деле.

Я почти не помню дня, когда можно было бы с утра до вечера ходить без пальто, особенно вблизи моря. А провести ночь в поле или в тайге, без толстого драпового, а еще лучше мехового, пальто или одеяла — положительно невозможно; будешь щелкать зубами до утра или всю ночь напролет подкидывать сучья в костер.

В начале сентября, а иногда в конце августа горы начинают уже покрываться снегом и к последним числам сентября кое-где на реках появляются забереги, а 12—15 ноября большинство рек уже стало. Конечно, все это происходит в северной половине острова. На юге замерзание рек опаздывает недели на две.

К этому времени на море, т. е. в Татарском проливе, появляются плавающие льды и укрепляются забереги. Бушующие в ноябре и декабре штормы часто ломают и разметывают этот лед, но все же к половине декабря мороз берет свое, и лед сплошной массой заполняет весь пролив.

В конце декабря обыкновенно приходила первая нартовая почта из Николаевска.

Уже в конце января, под напором частых и сильных штормов, ледяной покров этот кое-где начинает нарушаться, отставать от берега, и к концу месяца широкое место пролива (80—120 *км*) пестрит полосами темно-свинцовой воды и взлохмаченными полями плавающего льда. В феврале льды эти становятся реже; северный ветер все больше и больше угоняет их в теплое море к берегам Японии, а в марте держится еще довольно крепко лишь узкая полоса льда на месте бывшего когда-то перешейка, размытого мощным потоком Амура.

В это время, около 12 — 15 марта, вскрываются устья рек, но только в половине мая все воды бывают вполне очищены от льда и начинается нечто вроде весны.

«Нечто вроде» — потому, что жестокие зюд-весты и зюд-осты леденят тело и убивают всякое весеннее настроение.

Таким образом, полных шесть, а иногда и семь, месяцев в году Татарский пролив бывает не свободен от льда (с ноября по май) настолько, что плавание для судов невозможно. Для южной половины острова этот период сокращается по крайней мере на месяц, но там другая беда: обилие и густота туманов весной и осенью не меньше льдов препятствует плаванию.

В общем, как видите, климат Сахалина не только оставляет желать лучшего, но, попросту говоря, его с чистой совестью можно назвать отвратительным.

Полярные снега, ленинградская сырость и осадки, новороссийские штормы, лондонские туманы — какой-то климатический интернационал всех бедствий сразу.

Что же удивительного в том, что на широте Венеции там растут новгородские леса и уныло расстилаются архангельские тундры (в низовьях Пороная).

А ведь когда-то климат Сахалина, по крайней мере всего его западного побережья, был совсем другим, приближающимся к японскому.

Об этом свидетельствуют многочисленные заросли бамбука, известного под именем arundinaria kurilensis; весьма похоже на то, что это растение, населяющее самым странным образом березовые и еловые леса Сахалина, есть не более, как обыкновенный японский бамбук, измельчавший и выродившийся под влиянием изменившихся климатических условий. Об этом же говорит сахалинская гречиха и гречиха Вейриха, настоящая ро-

дина которых Япония, с чем согласен и проф. Баталин, описавший это растение в особой брошюре.

Все эти виды растений отличаются крайней неприхотливостью и жизнеспособностью.

Субтропические леса, свойственные Японским островам и заполнявшие когда-то сахалинские долины и хребты западного побережья, исчезли с переменой климата, уступив место северным породам, а неприхотливый бамбук, лопушник и еще некоторые японские виды, под защитой новых, уже северных лесов, уцелели в силу своей особой жизнеспособности и лишь выродились, измельчали, постепенно теряя силы в этой борьбе за существование. С течением времени они приспособились к новому климату и растут себе, поражая глаз новичка-наблюдателя странным соседством, напр., бамбука с березовым или еловым лесом.

В обнаженных верхних пластах почвы, богатых железной рудой, по ущельям горных речек и морского берега, даже на Северном Сахалине — сплошь и рядом встречаются такие несомненные остатки недавней сравнительно (судя по слоям) субтропической растительности, как веточки японского ореха с плодами, пропитавшиеся железистыми соединениями и потому сохранившие форму настолько, что их безошибочно узнает всякий, кто хоть раз видел этот оригинальный японский фрукт.

Наконец, среди местных гиляков сохранились предания, что когда-то очень давно деды их прадедов пришли с материка на Сахалин по сухому пути, встретили здесь воинственное племя тончей, которое и было ими истреблено совершенно после многолетних войн из-за рыбных и лесных угодий.

В те времена, говорит предание, климат там был теплый, на Сахалин с материка заходили кабаны и тигры,

а луки и стрелы для охоты за ними старики делали из местного дерева и бамбука такого же, как в Японии.

В заключение, обратившись к исследованию Татарского пролива в самом узком его месте, мы находим ряд отмелей на протяжении 7 километров, между сахалинским и азиатским побережьями. Глубина на этих мелях редко где превышает два-три метра и только очень небольшое число узких и неправильных фарватеров прорезывает дно, делая возможным для небольших судов проход из Татарского пролива в Охотское море.

Глядя, как течение реки Амура, после разбега на протяжении трех тысяч километров, широким мощным потоком бьет с севера в эти отмели, размывает их с одной стороны (азиатской) и делает песчаные наносы на другую (сахалинскую), глядя на эту показательную картину, невольно задаешься мыслью, что мы присутствуем при заключительной работе этого течения, которое уже уничтожило мешавшую ему преграду в виде перешейка над водою и теперь смывает остатки ее, находящиеся под водою.

Характерно, что как к северу, так и к югу от узкого места — глубина пролива постепенно увеличивается.

Получается впечатление подводной гряды, стоящей поперек пролива.

Вывод из всего этого ясен — когда-то гряда эта была выше уровня моря, представляла собой естественную плотину, заграждавшую вход холодным течениям в Татарский пролив, и берега его в те времена покрыты были субтропической растительностью, они равнялись по климату с японскими островами, потому что теплое течение Куро-Сиво беспрепятственно заполняло весь бассейн между Сахалином и берегом Азии вплоть до этого перешейка.

А что для климата данной страны теплое морское течение имеет колоссальное значение, в этом едва ли кто-нибудь будет сомневаться.

Вспомните только Гольфстрем.

Идя от Вест-Индии к берегам Европы, он омывает Великобританию, Норвегию, Мурман — и что же мы видим?

В Норвегии, над 60° с. ш. лежит кипучий умственный культурный центр, Осло́, а в Азии под той же широтой лежит город Охотск, где не только культурная, но и вообще никакая жизнь почти невозможна вследствие леденящего холода.

Север Норвегии, далеко за полярным кругом, равно как и Мурман, покрыты богатейшими лесами с обилием рек и всякой дичи и рыбы, а под той же широтой в Восточной Азии лежит полюс холода, Верхоянск, где мороз достигает до 72°, где о лесах никто и не слыхивал и где — «предел скорби» для якутов и бывших политических ссыльных.

Всю эту колоссальную разницу между климатами Европы и северо-восточной Азии обусловливает только присутствие теплого течения, Гольфстрема.

Такой же благодетель есть и у азиатских берегов, но по некоторым причинам он не следует, подобно Гольфстрему, всем изгибам берега, а уходит от него к востоку на широте Курильских островов и уже по ту сторону океана благодетельствует Северной Америке.

Это Куро-Сиво (черный поток), как зовут японцы мощную артерию теплого течения, зарождающегося вблизи острова Формозы и омывающего в живительных струях своих все японские острова. Когда-то омывал он и остров Сахалин, заполняя Татарский пролив, бывший тогда заливом. Но вот постепенно Амур промыл сахалинский перешеек и устремился в эту промоину, расши-

ряя ее и всасывая с собою холодные воды и льды Охотского моря.

Чтобы оценить по достоинству мощность этой всасывающей струи, вспомните только, что Амур на 3 000 километров судоходен для крупных судов, а лиман его в месте впадения в пролив имеет более 60 *км* ширины; против Благовещенска, т. е. более, чем за 2 000 километров от устья, Амур имеет еще ширину в 3 километра.

Всасывающая сила этого направленного к югу потока должна быть огромна.

Теперь ясно, почему минует Сахалин и с ним вместе всю нашу Дальневосточную окраину теплое течение Куро-Сиво.

Омывая острова Японии, Куро-Сиво приготовляется вступить в Татарский пролив и принять на свое теплое лоно Сахалин и все соответствующее ему азиатское побережье, но у южной оконечности Сахалина, при самом входе в пролив, встречается под углом с несущимся с севера мощным ледяным течением Охотского моря и... отклоняется в сторону, к Курильским островам, вскользь задевает их и несет всю благодетельную теплоту свою к берегам далекой Америки.

Взамен его холодная широкая струя ледяной воды из Охотского моря на протяжении свыше 900 километров омывает берега Восточной Сибири и Сахалина, слагаясь из пассивного тока, основанного на разнице температур в двух соседних морях, и из активной направляющей силы течения реки Амура.

Теперь понятно, почему так долго разные мореплаватели с такими крупными именами, как Лаперуз, Крузенштерн и др., не могли проникнуть из Охотского моря в Татарский пролив.

Перешеек, если и был отчасти размыт силою Амурского течения, то все же не настолько, чтобы гребные суда, посланные Крузенштерном, могли пройти.

Это было в начале 800-х годов; а двадцатью годами раньше туземцы прямо объяснили Лаперузу, что для прохода в Охотское море лодки приходится тащить в узком месте пролива волоком через песчаную гряду, загородившую проход.

Легко понять, что еще раньше, в начале XVII столетия, к каковому времени Поляков относит начало истребления на Сахалине тончей с юга аинцами, а с севера гиляками, Сахалин был еще настолько основательно соединен с материком, что и звери и люди свободно переходили с одного на другой.

Совершенно ясно, что с устранением причины, повлиявшей на изменение климата Сахалина к худшему, можно ожидать, что он станет теплее опять в той же мере, которая позволяла расти на нем субтропической флоре Японии.

А достигнуть этого, как нам кажется, хотя и очень трудно, но возможно.

В узком месте пролива на Азиатском побережьи мыс Лазарева весь состоит из гранитных масс и других твердых пород. Следовательно, материал для прочной плотины — под руками. Восстановить прежний перешеек по мелководью совсем не трудно, но уже не песчаный, как раньше, а из массивного камня и цемента, который не размоет никакое течение.

Вместо пролива получится тогда залив.

Теплая струя Куро-Сиво, беспрепятственно проникая в него, пойдет вдоль берега Сахалина, повернет здесь назад, омывая берега Восточной Сибири, и заполнит теплой водой все его богатейшие природные гавани.

Они так же не будут замерзать, как не замерзают и японские. Конечно и сам залив замерзать не будет.

А гавани там, на азиатском берегу, есть действительно богатейшие.

Например, Де-Кастри, или несколько южнее другая, носившая название «императорской». Они обладают сравнительно узкими входами, глубоко, на несколько километров врезываются в материк и в состоянии вместить сразу целый флот судов; к тому же обе окружены высокими, лесистыми горами, благодаря которым вода в них всегда спокойна и дно очень значительной глубины.

Гавань Де-Кастри, кроме того, лишь узким хребтом отделена от реки Амура у самого города Мариинска.

Здесь Амур расширяется в озеро Кизи, а последнее всего несколькими сотнями метров отделено от верховьев речек Нельи, Наубе и Сомон, впадающих в залив Де-Кастри.

Расширив и углубив одну из этих речек, можно без особого труда и затрат получить второй выход из Амура в новый «Татарской залив», значительно южнее поставленной плотины.

А непосредственная связь незамерзающего бассейна с такой огромной артерией, как Амур, на 4 000 километров (считая приток Шилку) прорезывающей страну, имеет для всего края государственное значение.

Не забудьте, что бассейн Амура имеет более 2 000 000 *кв. км* и на своей площади мог бы вместить Австрию, Венгрию, Германию, Францию, Англию, да еще Испанию с Италией на придачу.

И по своим природным богатствам, на одно описание которых ушло бы несколько томов, этот край стоит того, чтобы дать ему незамерзающий, тихий и глубокий залив, в который непосредственно впадала бы новым руслом самая значительная водная артерия страны.

И легче был бы доступ и планомерная разработка стоящей у входа в этот край неистощимой сокровищницы, острова Сахалина, описать богатства которого я мог здесь лишь очень бегло.

Теплый климат и незамерзающие гавани — это драгоценная оправа, которой только и недостает «черной жемчужине Дальнего Востока».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Личные впечатления 9
Политическая ссылка 15
История открытия и заселения Сахалина 23
Земледелие на Сахалине 49
После 1905 года. Оккупация японцами 55
Туземцы 65
Рыба и морские продукты 96
Уголь 107
Нефть 118
Другие ископаемые богатства 121
Леса и травы 126
Звери и птицы 138
Климат 142

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

В. М. АРНОЛЬДИ

ПО ОСТРОВАМ МАЛАЙСКОГО АРХИПЕЛАГА

Изд. 2-е.

Стр. 307. Ц. 75 к.

С. И. СЕРГЕЛЬ

В ЗЫРЯНСКОМ КРАЕ

Стр. 79. Ц. 60 к.

С. И. СЕРГЕЛЬ

НА ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ

Очерки приисковой жизни.

Стр. 99. Ц. 70 к.

С. И. СЕРГЕЛЬ

ГОД КОЧЕВКИ С ЛОПАРЯМИ

Очерки природы и людей.

Стр. 156 Ц. 90 к.

Автор, проведший год среди лопарей Норвегии, дает в книжке яркий художественный очерк жизни скандинавских лопарей и природы севера Скандинавии. Книжка иллюстрирована многими снимками с натуры. Читаемая как увлекательный роман, книжка заключает интересный и поучительный материал по этнографии лопарей.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

П. К. КОЗЛОВ

ТРИ ГОДА ПО МОНГОЛИИ И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

Лекция, читанная в Москве и Ленинграде.

Стр. 62 + 1 карта. Ц. 75 к.

ТРИ МЕСЯЦА СРЕДИ ЛЮДОЕДОВ СУМАТРЫ

Сокращ. перев. с нем. Н. Березина.

Изд. 3-е.

Стр. 123. Ц. 35 к.

А. М. НИКОЛЬСКИЙ

ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ НАТУРАЛИСТА

В Туркестане, на Ледовитом океане, в северной Персии, на Сахалине.

Изд. 2-е.

(Б-ка путешествий)

Стр. 241. Ц. 1 р. 30 к.

3 10

M.2 E
4 51-C